

Дора Хельдт

Отпуск с папой

*Остроумный, светлый и озорной роман —
мне было жаль, когда он закончился!*

Отзыв с сайта Amazon.com

Дора Хельдт Отпуск с папой

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8373004
Отпуск с папой: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086513-0*

Аннотация

Что нужно сделать женщине, чтобы испортить отпуск на море?

Согласиться, чтобы компанию ей составил собственный отец.

Он стар, у него ужасный характер, кипучая энергия, железобетонная уверенность, что он все знает лучше всех, и манера обращаться с дочерью так, будто она – девчонка-подросток, нуждающаяся в постоянном контроле.

В результате походы на пляж сменяются бесконечной рутинной, каждую сигаретку приходится выкуривать тайком, а бурный роман с мужчиной ее мечты обращается в фарс. Почему? Просто папаша вбил себе в голову, что обаятельный поклонник дочери – брачный аферист. К слежке за коварным злодеем он подключил всех своих приятелей – неугомонных пенсионеров...

Содержание

«Ночной телефонный звонок»	4
«О, мой папа»	6
«Несется поезд в никуда»	10
«Созревший для острова»	16
«Такой человек»	26
«Вот, начинается веселье»	33
«Друг, хороший друг»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дора Хельдт

Отпуск с папой

Роман

*Моему отцу, который иногда нуждается в скамеечке для ног,
и моей матери, у которой с коленями все в порядке.*

«Ночной телефонный звонок»

Х. Зайтц

– Это ведь всего две недели.

Мамин голос звучал дружелюбно и в то же время решительно. Уже в самом начале разговора у меня появилось нехорошее предчувствие.

– И это твой отец. Другие дети радовались бы.

– Мама, при чем тут «другие дети»? Мне сорок пять!

Я могла бы и не принимать участия в разговоре. Моего ответа мама не заметила.

– Я сказала ему, что вам понадобится его помощь, ведь нанимать рабочих на островах так дорого. И они творят что хотят, особенно когда никто не стоит над душой. А он сможет приглядывать за работами. Он так хочет быть полезным.

Сейчас я должна что-нибудь произнести.

– Мама, подожди. Я еду на Нордерней, чтобы помочь Марлен с ее пансионом и ремонтом пивной, я же не могу еще и с папой...

– Ах, да тебе не придется о нем так уж сильно заботиться, он все сделает сам. Вы же обедать все равно будете, приготовите и на его долю. На ужин ему нужно совсем немного, а пирог для послеобеденного десерта можно и купить, Марлен не придется специально для него печь.

Я спросила себя, с каких это пор мой отец все делает сам? Последний раз я приезжала к родителям шесть недель назад, и тогда все было по-другому. Абсолютно. Я постаралась не выдать голосом растущую в душе панику.

– Мама, мне кажется, это не очень хорошая идея, я...

– Кристина, я никогда тебя ни о чем не просила. Это безвыходная ситуация. Мне придется остаться в клинике на две недели, Хайнц не сможет все это время просидеть дома один.

– Я думала, он все умеет.

– Но не готовить, стирать и все такое. Послушай меня. Это твой отец. И ты отличнейшим образом можешь взять его с собой на две недели. Ты же свободна. Ну, не ломайся. И он все равно хотел съездить на Нордерней.

– Но я вообще не смогу им там заниматься. И как...

– Да все будет в порядке. К тому же на Нордернее живет Калли, ты знаешь, старый папин друг. Он будет ходить к нему в гости.

– Он мог бы и пожить у них.

– Кристина, прошу тебя! Ханна на материке. Ее младшая, Катарина, вот-вот должна родить второго. От вас с сестрой этого не дождешься.

Только матерям удастся так менять тему разговора.

– Мама, мне...

– Вот именно. Значит, договорились. Папа в будущую субботу приедет в Гамбург, ты встретишь его на вокзале, и вы вместе поедете на Нордерней. Он не разбирается во всех этих паромах и прочем. Так что лучше тебе быть рядом. А я смогу спокойно лечь в больницу и прооперировать свое колено.

Мой последний шанс:

– Давай спокойно все обсудим, это не вариант, я...

– Не переживай, деточка. Все важное я тебе запишу и пришлю. Ну все, приятного тебе вечера, и передаю привет от папы. Он очень рад. Пока.

Я устала на дисплей телефона. Соединение завершено. Похоже, вопрос решенный. Мне придется провести отпуск с отцом. Впервые за тридцать лет. Последняя наша совместная поездка закончилась тем, что он из педагогических соображений оставил меня на турбазе в Касселе. У меня был тяжелый пубертатный период, я признаю, но бросить меня в Касселе – это слишком круто. Даже при том, что через полчаса он за мной вернулся и потом три недели терзался муками совести. И вот теперь, тридцать лет спустя, нам предстоит пройти это снова. По крайней мере на сей раз мы поедem не через Кассель.

«О, мой папа»

Л. Ассиа

Мой брат описал нашего отца так: «Глаза, как у Теренса Хилла, а сам трусливый, как Ринтиндамба». Последний – пугливый пес Счастливики Люка Ринтиндамб, тощая дворняга, которая при каждом незнакомом звуке, при появлении нового человека, при любой перемене от страха тут же прыгает на колени к хозяину. Мой отец, конечно, на колени ни к кому не прыгает, для этого он слишком хорошо воспитан и, уж естественно, не так глуп, как это животное, но глаза у него и вправду голубые. Определение не столь уж и плохое.

Поднимаясь по лестнице в квартиру Доротеи, я думала, как бы попривлекательнее изложить ей новые аспекты нашей поездки. Мы с Доротеей знакомы лет пятнадцать, она знает всю мою семью, сама фраза «Хайнц едет с нами на Нордерней» скажет ей все. Мне надо убрать из этой фразы весь ужас; в конце концов, мы так радовались этим двум неделям, и мне не хотелось бы, чтобы моего отца считали обузой, хотя, к сожалению, так оно и есть. Я про себя формулировала предложения: «Доротея, представляешь, Хайнц едет с нами, ну разве это не чудесно?» Нет. Не пойдет. «Привет, Доротея, моей матери наконец назначили операцию на колене, ты не против, если Хайнц поедет с нами на Нордерней? К сожалению, он не в состоянии сам о себе позаботиться». Тоже не годится. «Доротея, ты ведь знаешь и любишь моего отца. Как тебе идея взять его с собой на Нордерней, чтобы он не трепал нервы моей матери в больнице?» Великолепно. «Доротея, я тут подумала, что Хайнц мог бы нам помочь с ремонтом пансиона Марлен, я хотела бы взять его с собой». Нет, в это она не поверит. «Доротея, скажи, пожалуйста...»

Дверь квартиры открылась, передо мной стояла Доротея с корзинкой для покупок в руках.

– Привет, Кристина, я как раз собиралась за...

– Мы берем с собой Хайнца.

Не так уж хорошо сформулировано. Доротея наморщила лоб.

– За покупками?

– На Нордерней.

– Какого Хайнца? Твоего?...

– Да, именно его.

– С собой? К Марлен? В субботу?

– Да.

Я ждала взрыва, изумленного взгляда или судорожного вопля, но ничего этого не случилось. Доротея невозмутимо поставила корзину для продуктов и вернулась в квартиру. Я прошла за ней в кухню и увидела, что она начала готовить чай. Насвистывая. Я узнала мелодию песни «О, мой папа» и принялась объяснять:

– Мне только что позвонила мама. Ей ставят искусственный коленный сустав, и неожиданно освободилось окно для операции, кто-то там отказался. Моя тетя уехала в отпуск, сестра плавает на яхте в Дании, брат в командировке, словом, я единственная, кого она сумела достать. Ты же знаешь моего отца, он не сможет две недели оставаться один. Он даже не представляет, как варят кофе. Не говоря уж о картошке. Или о яйце. Кроме того, он дальтоник, и если за ним не приглядеть, одевается соответственно.

Я задумалась, что бы еще сказать, не слишком его пороча. Это было непросто, Доротея не должна думать о нем чересчур плохо; с другой стороны, у него такие привычки, которые, мягко говоря, не совсем обычны.

– Мне твой отец кажется забавным.

Я сглотнула. Это слово я бы не выбрала. Доротея налила кипяток в заварочный чайник и повернулась ко мне.

– Хайнц еще довольно бодр. И если он хочет помочь, очень мило. Надеюсь, это его не слишком утомит.

Это его-то не слишком утомит?

Доротея поставила заварочный чайник на стол и достала из шкафа чашки.

– Не делай такое обеспокоенное лицо. Мы будем следить, чтобы он не перенапрягался.

– Доротея, ты не понимаешь. Я скорее беспокоюсь, что он утомит меня. Он может быть довольно навязчивым. Он ни на что не способен сам, его нужно занимать, он всегда во все встρεвает, всегда все знает лучше всех, боится всего нового, он...

Тут я прикусила язык, об этом я вообще-то не хотела говорить. Я очень люблю отца. Особенно – в трех часах езды. Или в присутствии мамы. Или за чашкой кофе. Но две недели в чужой квартире рядом с ним, в трех часах езды от матери, которая в гамбургской клинике будет заниматься своим коленом, могут привести ко всяким неожиданностям. Однако Доротея этого не понять. Доротея придется это пережить. Я размешала сахар в чашке и взглянула на подругу:

– Ну да, может, все и в самом деле обойдется без проблем, и Марлен будет рада его помощи.

Я не верила ни одному своему слову. Доротея кивнула:

– Вот видишь. Я в любом случае рада этим двум неделям, даже с Хайнцем. Будет интересно, правда?

Я неохотно кивнула. Уж в этом можно не сомневаться.

Моей подруге Марлен достался старый пансион с пивной на острове Нордерней. Им много десятилетий владела ее тетка, год назад на пороге семидесятилетия решившая, что наконец-то надо пожить в свое удовольствие. Движущей силой в реализации этих планов оказался Хуберт, семидесятичетырехлетний вдовец из Эссена, который двадцать лет был в ее пансионе почетным гостем, из них восемнадцать лет с супругой, а потом уже без оной. Тетя Теда рассказала своей племяннице, что Хуберт открылся для нее совсем с другой стороны, «такой любитель приключений оказался, ты не поверишь», и сделал давно знакомой хозяйке пансиона страстное признание в любви. Жениться еще раз он не хочет, предупредил он, это все глупости, а намерен поехать с Тедой по свету, на Зюльт, на Майорку, потом, быть может, в Америку. Теда была польщена, но отреагировала сдержанно.

В том же разговоре Марлен сообщила тете, что рассталась со своим другом, с которым они вместе держали пивную. Сочувствие тети не стало чрезмерным, она отметила новость такой фразой: «Но это же прекрасно, ты приедешь на пару месяцев на Нордерней, будешь управляться с пансионом, я попробую устроить жизнь с Хубертом, а тебе больше не придется видаться с тем придурком. А пивная есть пивная, ты сможешь и тут работать».

Все вышло как надо, Теда и Хуберт были друг от друга в восторге, Марлен от Нордерней, а постояльцы пансиона – от Марлен. Хуберт предложил Тедке обустроить ей небольшую квартиру в пансионе, а остальные строения вместе с пивной переписать на Марлен. Бывший бойфренд Марлен выплатил ей ее долю, и она тут же вложила деньги в ремонт пивной. Он почти закончился, через три недели новый бар должен был открыться.

Мы с Доротеей взяли на это время отпуск, Марлен сняла для нас квартиру, предполагалось, что по утрам мы будем помогать ей с ремонтом или в пансионе, после обеда валяться на пляже, а по вечерам пить белое вино в «Молочном баре» или в «Белой дюне». Вот такой был план. До сего дня.

Я набрала номер Марлен.

– «Дом Теды». Меня зовут де Фриз, добрый день.

– Привет, Марлен, это Кристина.

– Только не говори, что вы не приедете. Пансион набит битком, рабочие копаются с ремонтом, а одна моя помощница загнала в ногу ракушку. Теперь из помощников у меня только Геза. Я совсем закрутилась. На выходных обещали быть Теда с Хубертом, но они собираются только смотреть, как я справляюсь, а не помогать, в конце концов, они пенсионеры. Теперь говори, что собиралась, но помни, пожалуйста: я на грани нервного срыва.

Если бы она произнесла все это без смеха, я бы ей поверила. К тому же это было отличное вступление. Я постаралась, чтобы мой голос звучал нейтрально:

– В таком случае ставлю тебя перед фактом: я беру Хайнца с собой. Ему нужна только кровать. И компания для игр. И горячая пища раз в день. И какое-нибудь дело. И пшеничное пиво время от времени. Что скажешь?

– Ты берешь с собой отца? Серьезно? Как это пришло тебе в голову?

– Мне?! Эта грандиозная идея принадлежит моей матери. Ей на следующей неделе ставят в Гамбурге искусственный коленный сустав. Сначала запланировали на октябрь, но появилась возможность сделать это сейчас, и она хочет ею воспользоваться. И ее можно понять. Но моя тетка в отпуске, соседи, с которыми они дружны, – в Норвегии по линии Красного Креста, и обе мои кухни тоже заняты, поэтому об отце придется позаботиться мне. Альтернативным решением было бы отправиться на Зюльт и там его обихаживать, но тогда пришлось бы отказаться от поездки к тебе, а я этого не хочу. Словом, мама сказала ему, что мы будем рады его помощи, к тому же на Нордернее у него живет друг. Папа хоть и нехотя, но согласился и сейчас воображает себя нашим спасителем. Вот вкратце какая сложилась ситуация.

– Но это совсем не так плохо. Я не очень хорошо знаю твоего отца, но он всегда готов помочь и производит впечатление человека, полезного во всяком деле.

У меня вырвался нервный смешок. О да, впечатление он производит именно такое.

– Ты что там, кашляешь? Как бы то ни было, у меня для вас столько дел, что и он сможет чуть-чуть побыть спасителем. Даже если просто возьмет на себя Хуберта. Он так меня бесит, все знает лучше всех и во все лезет.

– Эти двое понравятся друг другу.

– Таким ужасным, как Хуберт, Хайнец быть не может. Ну хорошо, я сообщу хозяйке квартиры, что вас будет трое. Она поставит еще одну кровать к тебе в комнату, там только две спальни. Но это ничего, как-нибудь устроитесь. Я рада, что вы приезжаете, ты сможешь по утрам помогать мне в пансионе, а Доротея будет очаровывать рабочих.

Мы закончили разговор, и я представила себе, как лежу на топчане, а папа ищет в телетексте результаты игр «Гамбурга».

Прекрасно, Хуберту мало не покажется.

Лист/Зюльт, 10 июня

Дорогая Кристина!

Я только что собрала чемодан для больницы, ведь на две недели требуется уйма вещей. Я купила себе шесть новых ночных сорочек, красивых таких, с колечками и еще одну с сердечками, очень миленькую. Правда, Агнес, ну, ты знаешь, с Зюдерхорна, третий дом слева, так вот ей в прошлом году тоже поставили искусственный сустав, и она говорит, что с третьего дня все равно уже нужно надевать леггинсы. Ну и пусть, думаю, ночные рубашки и тебе подойдут, я ведь не ношу их вообще-то. Заберешь, когда в следующий раз будешь на Зюльте.

Ну а теперь – о главном. Я сказала папе, что ему придется помогать Марлен, не все время, а один-два часа в день, быть может. Ты же знаешь, какой он, когда сидит без дела. Что-нибудь придумаю для него. Не забудь,

ему нельзя поднимать тяжести, у него бедро побаливает, и на лестницы забираться он не может, у него кружится голова. Если поручите ему что-нибудь красить, следи за ведрами с краской, ты помнишь, что он – дальтоник. Он, кстати, на прошлой неделе выкрасил гостевой туалет в бирюзовый цвет, думал, что это бледно-голубой, но ничего, привыкнем. Я надеюсь, во всяком случае. Не выходи из себя, если он что-то сделает не так, он хочет как лучше и легко обижается.

Раз в день ему нужно поесть горячего, он страдает изжогой, поэтому ничего острого, мало соли и никакой капусты. Жирного тоже нельзя. Ничего молочного или мучного, а то он будет плевать. А сказать он не осмелится. После обеда он любит попить кофейку с выпечкой. Только не торт и никакой вишни. И кофе без кофеина. Если чай, то только фруктовый, от черного он плохо спит.

Будь добра, приглядывай, в чем он выходит на люди. Он не различает цветов, да и со вкусом у него плоховато, не позволяй ему ходить бог знает в чем.

Он любит гулять, если у вас не будет времени пройтись с ним, нужно дать ему с собой мобильный телефон и включить его, в чужих местах он не очень хорошо ориентируется. Спрашивать прохожих он тоже не любит. Я о чем-то забыла?

Мне кажется, все. Он договорился с Калли о встрече, может, ты сумеешь его туда отвезти, я, правда, не знаю, есть ли у него адрес Калли. За твоим отцом просто ухаживать, во всяком случае, никаких лекарств он с собой не берет, разве только что-нибудь от изжоги.

Словом, желаю вам хорошего отпуска, присматривай за отцом, он еще ни разу никуда не уезжал один. Все устроится.

Всего хорошего,
мама.

Я сложила письмо и тяжело вздохнула. Я не ношу ночных сорочек. И я опасаюсь за свой отпуск.

«Несется поезд в никуда»

К. Андерс

Через неделю я стояла на Центральном вокзале Гамбурга и смотрела на путь 12а, на который через сорок минут должен был прибыть «Интерсити» из Вестерланда. Я заняла пост у эскалатора, ведущего к перрону, именно так я и объяснила отцу в нашем телефонном разговоре.

– Сходишь с поезда и идешь направо, в сторону фойе. Там только один эскалатор, поднимаешься наверх, и с правой стороны буду стоять я.

– Да-да, я тебя найду, я же не в маразме. Единственное, чего я никак не могу понять, так это почему за одно и то же расстояние, Вестерланд – Гамбург, такие разные цены. Региональным поездом было бы намного дешевле.

– Папа! Ты же сам не захотел делать пересадку в Элмсхорне и жаловался, что поезд из Норд-Остзее всегда опаздывает.

– Так и есть. Если опоздание большое, тебе дают талон. Скажи, и что мне делать с этим талоном? Полная чушь.

– Поэтому ты едешь на «Интерсити». В общем, счастливого пути и до завтра.

– Не опаздывай, я ненавижу долго ждать. С такими драконовскими ценами поезд должен прибыть вовремя.

На всякий случай я выехала на вокзал за час, хотя на дорогу требовалось всего десять минут. Но я боялась, что какая-нибудь авария, пробка, полицейский контроль или отсутствие мест на парковке в самом начале приведет к хаосу, поэтому решила приехать пораньше. Навернув вокруг привокзальной площади семь кругов, я выискала свободное место у входа. Небеса были за меня, мой папа не любит ходить.

Еще тридцать пять минут.

Мой отец не любит ездить. Мало этого, он не любит чужие места. И этого тоже мало. Он ненавидит покидать Зюльт. Не только остров, но и свою кровать, свое место за обеденным столом, свой утренний моцион к порту за газетами, своих соседей, свой сад, свой диван. Он не любит слежавшиеся в чемодане рубашки, полотенца и постельное белье, которым до него кто-то пользовался, ест только то, что знает, и старается не менять привычный распорядок дня. Не представляю, как матери удастся единожды в год по меньшей мере вывозить его с острова, а самое главное, не знаю, что она ему наговорила и наобещала в этот раз, чтобы усадить его в поезд. Да и знать не хочу.

Еще двадцать пять минут.

В горле пересохло. Когда я волнуюсь, мне ужасно хочется пить. Позади меня был ларек с колбасками и напитками. Я купила банку колы, не потому, что люблю ее, просто папа раньше запрещал нам ее пить. Когда я была маленькой, он демонстрировал ее вредность для здоровья, замачивая на ночь в стакане с колой мармеладного мишку. Наутро там плавал бесформенный кусок фруктового мармелада, который он мне торжественно показывал: «Вот так выглядит твой живот изнутри после этой дряни. К тому же от колы глупеют». Я очень долго ему верила. Чувствуя себя бунтаркой, я смяла пустую банку из-под колы и выбросила ее в урну. Разумеется, не в ту, рядом с которой стояла. На всякий случай.

Еще десять минут.

Когда я вернулась на свой пост, о себе напомнил мочевого пузыря. Пить колу было идиотской идеей, тренированный организм желал немедленно от нее избавиться. Туалет находился в конце перрона. Надо бежать бегом, возможно, все кабины заняты, придется ждать, потом нестись обратно, а времени в обрез. Я решила терпеть.

Еще три минуты.

Переминаясь с ноги на ногу, я услышала сообщение: «Внимание! «Интерсити 373 – Теодор Шторм» Вестерланд – Бремен, по расписанию прибывающий на путь двенадцать «а» в тринадцать часов сорок две минуты, задерживается на десять минут».

Я знала, что так будет. Мочевой пузырь усилил давление. Я представила, как отец, поискав меня глазами, немедленно садится в ближайший поезд, идущий на север, услышала его фразу «Кристины там не было» и увидела глаза матери. Я решила терпеть.

Потом прибыл поезд. Подошел, шипя и мелькая, двери раскрылись, стали выходить первые пассажиры. Он был в середине перрона, в красной ветровке, джинсах и синей кепке. Я увидела, как он вытаскивает из вагона огромный чемодан и ставит его в метре от края платформы. Я принялась махать ему, но это было лишним. Отец и взглядом не одарил окружающее. Он прижал к груди рюкзак и уселся на чемодан, лицом точно в противоположном от меня направлении. Я продралась сквозь идущий навстречу людской поток и, запыхавшись, остановилась перед ним. Он посмотрел на меня снизу вверх.

«Глаза, как у Теренса Хилла», – подумала я.

– Как можно находиться в таком бедламе?

Голос был обиженный.

Вел он себя, как Ринтиндамб.

– Привет, папа, я же тебе объяснила: идешь направо, в сторону фойе, по эскалатору наверх, и там справа буду стоять я.

– Впервые слышу. – Он встал и отряхнул брюки. – Ну, ты представляешь? Поезд опять опоздал. Ты не знаешь, когда они раздают эти талоны?

Я попыталась забрать у него рюкзак, но он держал его крепко.

– Я сам понесу, спасибо. При каком опоздании они выдают эти талоны?

– Не за десять минут, уж конечно. Дай мне, пожалуйста, рюкзак, я тоже могу что-то нести.

Он повернулся в сторону эскалатора.

– Да, возьми чемодан, мне с моим бедром нельзя ничего таскать.

Подняв чемодан, я едва не испустила дух. Я поставила чемодан на перрон и попыталась потянуть его за собой.

– Папа, подожди, а что с колесиками?

Отец остановился и нетерпеливо посмотрел на меня:

– Они отвалились, но на две наших поездки сойдет и так. Ну, пошли.

Я, скособочившись, потащила за ним чемодан, стараясь контролировать дыхание.

– А кто... нёс... его... там... Мама?

– Чушь.

Без дальнейших объяснений он широкими шагами пошел к эскалатору. Говорить мне удавалось с трудом.

– Скажи... что там... у тебя?

Его ответ я едва разобрала, потому что он бежал впереди и даже не обернулся.

– Дрель, аккумуляторный шуруповерт и так, по мелочи, всякое барахло, я не могу работать с чужим инструментом.

Поднявшись наверх, мне пришлось поставить чемодан, терпеть было уже невозможно. Я ухватила отца за рукав.

– Постой минутку... мне очень нужно... в туалет. Постой, пожалуйста... возле чемодана... я постараюсь... побыстреей.

– Можно было бы сделать это и заранее. Так всегда происходит, когда оставляешь все на последний момент.

– Да, да...

Мне было уже все равно, я рванула в туалет.

Сначала пришлось разменять мелочь, потом пропустить вперед трех дам, стоявших передо мной в очереди, и все же процедура не заняла и пятнадцати минут. Вернувшись, я обнаружила на прежнем месте только чемодан, правда, рядом с ним топтались два полицейских в черно-синей форме. Один из них возбужденно говорил что-то в переговорное устройство, я разобрала только «...бесхозный... нужна собака... оцепление», и меня прошиб холодный пот. И тут я увидела отца. Он стоял в пяти метрах, ел хот-дог и с интересом наблюдал за происходящим. Как и некоторое количество зрителей, которых становилось все больше. Полицейский, к которому я стремительно кинулась, оборонительно поднял руку. Я попыталась успокоить его приветствием.

– С чемоданом все в порядке. Это наш, я просто пошла в туалет.

Я бросила на отца гневный взгляд, но он в это время отвернулся. Второй полицейский опустил переговорное устройство и грозно посмотрел на меня:

– Что это значит? Вы оставляете багаж без присмотра и отправляетесь в туалет? Как вам пришло это в голову? Вы ничего не слышали о мерах безопасности? Или о терроризме?

Второй полицейский шагнул ко мне. Настроение у него было не лучше.

– По-моему, я брежу! Вы чуть было не стали причиной закрытия центрального вокзала и возвращаетесь назад, как ни в чем не бывало? В голове не укладывается!

Злорадно-любопытствующие лица окружающих нас зевак добились меня окончательно.

– Папаааа!

Крик получился пронзительный и слегка жалобный. Полицейские многозначительно переглянулись. Кое-кто из зевак сочувственно покачал головой. Я, пытаясь сохранять спокойствие, ткнула пальцем в сторону отца, который безучастно смотрел на меня, слизывая при этом с пальцев датский майонез.

– Это мой отец. Это его чемодан. Он должен был за ним приглядывать. А теперь он ест хот-дог. При чем тут я?

Какая-то женщина посмотрела сначала на меня, потом на отца, затем на свою спутницу и громко сказала:

– Либо под наркотой, либо пьяные. Фу, пойдем отсюда!

Мы пробыли с отцом в полицейском участке вокзала примерно десять минут. Чтобы нас довольно немилостиво отпустили, пришлось открыть чемодан, еще раз дать объяснения и заплатить пятьдесят евро в вокзальную кассу.

Я вся кипела. Отец продемонстрировал им свой номер «я плохо слышу, мне трудно ходить, и я совершенно оторванный от жизни островной житель», он якобы вообще ничего не понял, ему так неприятно. Еще и дочка внезапно исчезла, и это не в первый раз. Я волокла за собой чемодан так, будто он был на колесиках, что производило адский грохот. Отец бросил на меня осторожный взгляд.

– Но это... в самом деле...

– Папа, если ты скажешь еще хоть слово, я просто брошу тебя здесь вместе с твоим дурацким чемоданом!

Следующие несколько минут отец действительно молчал, если не считать фразы «А с местами для парковки здесь неплохо», которую я проигнорировала, потому что в это время запикивала чемодан в багажник, а потом хлопнула дверцей громче, чем нужно. Папа вздрогнул, что пошло мне на пользу.

Мы сели в машину. Заводя мотор, я, не глядя на отца, сказала:

– А теперь мы едем к Доротее.

Ответить мне папа, очевидно, не рискнул.

Датчик внешней температуры показывал двадцать пять градусов, небо сияло голубизной, погода стояла самая что ни на есть отпускная. А папа с дочкой сидели в машине в злобном молчании. Я искоса бросила на отца осторожный взгляд. Никто не сумел бы лучше его принять такой подавленный вид. Он вертел в руках свою кепку, молния ветровки была застегнута до самого верха, на лбу блестели капли пота. И мне опять стало его жалко. Каждый раз одно и то же. Он ведет себя невыносимо, я злюсь, а в итоге чувствую себя виноватой. И всегда делаю первый шаг.

– Тепло, правда? Почему ты не снял куртку?

Он ответил мне ясным взглядом.

– У нас было слишком мало времени. Я потерплю.

Через несколько метров у обочины нашлось свободное место для парковки. Я припарковалась и заглушила мотор. Папа оглянулся.

– Здесь живет Доротея? Местечко так себе.

– Она здесь не живет. Я остановилась, чтобы ты мог снять куртку.

Он посмотрел на меня сияющими глазами:

– Это так мило!

Пока он отстегивал ремень безопасности, выбирался из машины, снимал куртку, аккуратно укладывал ее на заднее сиденье, снова усаживался и пристегивал ремень, я решила больше не вспоминать эпизод с чемоданом.

Отец облегченно вытер лоб.

– Да, так лучше. Однако очень тепло. Думаю, это оттого, что город загазован. Вся эта жара. На Зюльте полицейские не ходят в черном. Они вообще мне не нравятся, слишком уж грозные на вид.

Я поискала какой-нибудь радиоканал и сделала звук погромче.

Доротея закрывала свою машину, когда мы въехали на парковку перед ее домом. Она с улыбкой пошла нам навстречу.

– Вот и вы наконец! Я ждала вас полчаса назад. Неужели поезд опоздал?

Она обняла сначала моего отца, потом меня. Через ее плечо я бросила на отца предостерегающий взгляд. Он успокаивающе кивнул:

– Разумеется, поезд опоздал, но недостаточно, чтобы получить талон на компенсацию, да я бы все равно не смог им воспользоваться, а потом нас...

Я перебила:

– Ну вот, сейчас выпьем кофе и погрузим вещи. Мы поедем на машине Доротеи, у нее багажник больше. И нам вскоре пора выезжать, иначе мы опоздаем на паром.

Доротея переводила взгляд с отца на меня и обратно.

– Кофе готов. Скажи, пожалуйста, Хайнц, тебе нужно поесть горячего или достаточно пирога?

– Я перехватил на вокзале булочку с сосиской, там еще был такой спектакль...

– Пойдем, папа, – подтолкнула я его к дому. – Давай сначала выпьем кофе.

Спустя полчаса Доротея уже в который раз утирала слезы от смеха, но безрезультатно, потому что стоило ей только взглянуть на меня, как она прыскала снова. Связно говорить она не могла.

– Ах, Хайнц, у меня так и стоит перед глазами эта картина: Кристина, окруженная черными полицейскими, под дулом автоматов. И свора лающих овчарок. И ее физиономия. И ты, спокойно жующий хот-дог. Я сейчас лопну от смеха!

Она прямо-таки сгибалась пополам. Хайнц-Иуда тоже смеялся. Мне лично эта история, рассказанная в десятый раз, уже не казалась смешной. Впрочем, в первый раз тоже. Я встала.

– Они были без автоматов, без собак, и вообще нам пора двигаться, если мы хотим попасть на паром. Давайте закроем на этом тему.

Доротея хихикнула. А отец сказал ей:

– Она очень славная, но иногда любит подпортить музыку.

Я заставила себя промолчать.

Вскоре я уже открывала дверцу багажника «комби» Доротеи на парковке у дома. Перед машиной стояли четыре огромных дорожных сумки, три больших матерчатых кошельки, корзина с едой и чемодан-инвалид. И рядом Доротея с моим отцом. По их виду нельзя было сказать, что они вообще собираются дотрагиваться до вещей. Я посмотрела на них:

– Ну что? Давайте грузить вещи?

Папа, обороняясь, поднял руку.

– Деточка, я не могу, у меня бедро. Ты же знаешь. Чемодан для меня слишком тяжелый.

А Доротею снова разобрал смех:

– А я все еще не в силах спокойно на него смотреть!..

На секунду я закрыла глаза. Мне не хотелось раздражаться, у меня был отпуск. Поднажившись, я подняла чемодан и запихнула его в глубь багажника. Доротея подала мне свои сумки, я поставила их рядом с чемоданом. Моя первая сумка вошла с трудом, вторая не вошла вовсе, все остальное осталось стоять возле машины.

– Думаю, чемодан тебе надо было положить вдоль багажника. Поперек – не получится.

– Спасибо, папа.

Я снова вытащила сумки, развернула чемодан, и меня прострелила боль в седалищном нерве. Я застонала. Папа схватился за чемодан и подвинул его еще на сантиметр.

– Вот так. – Голос у него был слишком уверенный. – Вот так гораздо лучше.

Теперь три сумки встали рядом, а четвертую я взгромоздила на них. Багажник не закрылся. Папа сдвинул верхнюю сумку, впихнул две из трех кошельков и склонил голову набок.

– Вам действительно нужно было брать с собой столько вещей? На острове требуются только джинсы и куртка на случай дождя.

Я не ответила, снова вытащила дорожные сумки, положила все матерчатые кошельки на чемодан, пристроила сверху корзину и спросила у Доротеи, где наши куртки. Пока она за ними ходила, я подпирала корзину, чтобы конструкция не развалилась. Доротея вернулась с двумя куртками, двумя плащами и тремя бутылками вина.

– Это для Марлен.

Я запихала бутылки и куртки в свободное пространство и попыталась осторожно закрыть крышку багажника. Удалось, с миллиметровой точностью.

Я гордо повернулась.

– Ну?

– Ты забыла одну сумку.

– Нет, папа, я не забыла, мы положим ее на заднее сиденье. Там достаточно места.

– Я не хочу сидеть сзади.

– Тебе и не придется. Я могу сесть назад.

– Но если Доротея резко затормозит, сумка влетит мне в спину.

– Хайнц, я никогда резко не торможу, кроме того, можно положить сумку с другой стороны сиденья. Тогда она влетит в мою спину.

– Хорошо.

Он явно успокоился и посмотрел на часы.

– Нам, однако, потребовалось более получаса. Когда редко загружаешь машину, нет практики. Я все делал очень быстро, пока мое бедро было в порядке и мы все время разъезжали. Так, теперь еще раз в туалет – и можем трогаться.

Он направился к дому, Доротея с улыбкой пошла за ним, а я прислонилась к машине и закурила сигарету. И мне было все равно, случится с отцом удар или нет, когда он увидит, что я курю. Я совершенно обессиленна.

«Созревший для острова»

П. Корнелиус

Через полчаса мы переезжали по мосту через Эльбу. Отец пристально смотрел в карту, расправленную у него на коленях. Во-первых, не доверял навигатору Доротеи и моему умению ориентироваться, а во-вторых, хотел упорным молчанием наказать меня за курение. Но в тот момент я вполне могла это пережить, смотрела в окно на Эльбу и радовалась Северному морю. Доротея тихо подпевала какой-то песне, звучавшей по радио, Хайнц по-прежнему молчал. Я подвинула дорожную сумку и нагнулась вперед.

– Доротея, у тебя есть мятные леденцы в бардачке?

– Думаю, да. Хайнц, ты не посмотришь?

– Ах, нет! У тебя что, горло болит? С чего бы это? И никакая мята не поможет исправить вред от курения. На это есть совсем другие средства. И...

– Хайнц!

– Папа!

– Да-да, вот увидите. Убивайте себя табаком, пожалуйста, но потом не говорите, что я вас не предупреждал.

Он открыл бардачок, и крышка тут же грохнулась на колени. Отец взвыл, Доротея содрогнулась:

– Хайнц, Боже мой, я чуть в отбойник не въехала! Что такое?

– Эта дурацкая дверца. Прямо по коленям. Очень больно, и все из-за того, что кто-то покурил.

Он схватился за зеркало заднего вида и повернул его так, чтобы бросить на меня укоризненный взгляд.

– Послушай... – Доротея вернула зеркало в правильное положение. – Просто развернись, зеркало трогать нельзя.

Отец посмотрел на нее:

– Я не могу пошевелиться. Вы так далеко выдвинули сиденье из-за того, что Кристина не сумела впихнуть сумку в багажник.

– Папа, если хочешь, сядь сзади.

– Нет, не могу, сзади меня укачивает. Сколько нам еще ехать?

Я закатила глаза, он ведь меня не видел.

– Примерно два с половиной часа.

– Так долго? Силы небесные! Это не пойдет на пользу моему бедру. Мне нужно будет размять ноги.

Он склонился вперед, чтобы лучше видеть радиоприемник.

– Что это за программа?

Звучала старая композиция «Флитвуд Мэк».

– Эта варварская музыка сводит меня с ума. Где тут НДР-один?

Не спрашивая, он ткнул пальцем в радиоприемник. Я заподозрила худшее. И оно произошло: «Сядь в лодку грёз сегодня ночью, Анна-Лена» на полную громкость.

– Ну, попал просто пальцем в небо.

Папа подтолкнул Доротею в бок и в упоении стал подпевать. Доротея с ужасом посмотрела на меня в зеркало заднего вида:

– Что это?

– В лодку грёз сегодня ночью, ла-ла-ла... Это Коста Кордалис. Красивая песня. И так подходит к случаю. Хотя мы поплывем и не ночью. А паром вовсе не лодка грёз. Ну, Кристина, это хотя бы похоже на музыку, верно?

Он затряс коленями, а я прижалась головой к оконному стеклу и закрыла глаза.

Примерно через час, почти в обморочном состоянии от текстов песен вроде «я больше ни за что не буду братья в воскресенье», «золотые медали для твоей суперталии» или «позвени мне ресницами» Доротея с каменной спиной въехала на стоянку зоны отдыха. Припарковалась перед бензоколонкой и заглушила мотор. Тишина. Радио отключилось, и мы слушали только Хайнца, с закрытыми глазами самозабвенно допевавшего строчку. Мы с Доротеей переглянулись и молча уставились на него. Папа открыл глаза и улыбнулся:

– Это Рената Керн. Безумная женщина. Не такая уж красавица, но очень стильная. Классные пела шлягеры. Когда-то.

Он отстегнул ремень и открыл дверь.

– Ну, девушки, давайте мужчина вас заправит, посидите пока в салоне, а потом мы с вами выпьем по чашечке кофе. Только, чур, не уезжать.

Он вышел из машины и захлопнул за собой дверь.

Доротея повернулась ко мне.

– Ты должна была меня предупредить. Я бы сняла радиопанель. Он же знает все тексты наизусть. С каких пор твой отец заделался королем шлягеров?

– Ох, сколько себя помню.

Я не стала ей говорить, что и сама знаю все эти тексты наизусть. Монику Моррелл, Берндта Клувера – я знаю все. В такие значимые для ребенка годы, с десяти до шестнадцати, я каждое воскресенье записывала немецкий хит-парад на катушечный магнитофон «Грюндиг». Мои родители любили устраивать праздники, по малейшему поводу комод в столовой превращался в буфет, ковры сворачивались, люстры подвизывались. Пили клубничный боуль и пиво, ели салат с макаронами и зеленым горошком и танцевали. Ночи напролет. Бобина игралась шестьдесят минут, нужно было иметь хотя бы пять разных бобин. За это отвечала я. В те годы я хотя бы по разу записала каждый немецкий шлягер. От Ренаты и Вернера Ляйсман, Кристиана Андерса и Дорте Колло до таких экзотов, как Андреа Андергаст или «Хоффманн и Хоффманн». Важно было записать все так, чтобы каждый раз песни звучали в другом порядке, к тому же вовремя, то есть до сообщений о дорожном движении, нажать на паузу. За эти шесть лет я добилась виртуозной техники. Мои «склейки» были превосходны. Уровень громкости, паузы, переход – все на высшем уровне. У нас имелась одна-единственная запись, которую делала моя сестра. Я уехала с классом на экскурсию, и ей пришлось два воскресенья записывать бобины вместо меня. На вечеринке, поводом к которой послужил новый мамин велосипед, отец впервые заметил, что на «НДР-2» новости передают каждые полчаса. Никому из гостей эти паузы в танцах не помешали, правда, выпили слишком много. И на дорогах в те выходные было спокойно.

Несколько лет назад отец решил разобрать эти записи. А потом позвонил мне, чтобы рассказать, как это занятно – еще раз услышать новости того времени, и как жаль, что меня тогда интересовала только музыка.

– Кристина, что ты там мурлычешь?

Голос Доротеи вывел меня из размышлений. «Ты прости, тебя я знаю» Петера Корнелиуса – я встряхнулась, пытаюсь отвязаться от этой мелодии.

– Ничего, а где же король шлягеров?

Петер продолжал звучать во мне и сошел на нет лишь с появлением Хайнца, который, усаживаясь на переднее сиденье, насвистывал «Обычное воскресенье».

– Итак, дамы, машина заправлена, счет оплачен. А теперь мне нужно поесть.

Отец направил Доротею на парковку перед площадкой для отдыха. Выйдя из машины, он внимательно посмотрел на меня:

– Что с тобой? Ты такая бледная.

В моей голове бушевали демоны, роились давно забытые имена и тексты, хит-парады, пластинки, магнитофоны «Грюндиг», я смогла бы подпеть всем песням Говарда Карпендейла, а я-то полагала, что все это в прошлом. Принцесса шлягеров.

– Папа, давай теперь послушаем другую музыку. Или вообще никакую. Только не эти дурацкие шлягеры.

– А почему ты злишься? Прежде тебе нравилось. Ты даже знала их наизусть.

Я сбежала от изумленного лица Доротеи в туалет.

Когда я вернулась, отец с Доротеей стояли с подносами перед стойкой с блюдами. Доротея серьезно посмотрела на меня:

– И твоей любимой певицей была Венке Мир? Подумать только, как мало мы знаем друг о друге... – Она хихикнула.

– Мне было одиннадцать.

Я прошла мимо Доротеи, чтобы взять с полки поднос.

Папа покачал головой:

– Нет-нет, это все продолжалось гораздо дольше. У тебя уже были водительские права, разве нет?

– Глупости. Максимум двенадцать. И только ради ваших дурацких вечеринок. Ты уже решил, что будешь есть?

Перед нами стояла раздатчица. Отец дружелюбно ей кивнул.

– Мне кажется, права у тебя уже были. Гм, чего же мне хочется? А что это у вас там, в дальнем ряду?

– Печеночный паштет. Мы подаем его с яичницей-глазуньей и хлебом.

– Из тухлого мяса?

– Папа!

– Хайнц!

Блондинка в белом фартуке удивленно на него взглянула:

– Разумеется, нет. Но вы вовсе не обязаны его есть.

– Точно. Но в наше время мясных скандалов лучше лишний раз переспросить. Где-то же то просроченное мясо еще осталось.

Блондинка хмуро на него посмотрела. Папа ей улыбнулся:

– Без обид. Ну, что вы будете брать?

Доротея окинула его взглядом и заказала три сырных булочки и три чашки кофе.

Папа кивнул. Увидев поданные булочки, сказал только:

– Салатный лист выглядит здесь смешно. Это ведь сырны булки, к чему этот силос?

Я схватила тарелку, поставила ее на поднос и улыбнулась официантке, пытаюсь сгладить ситуацию. Она ответила мне ледяным взглядом.

На кассе отец настоял, чтобы заплатить за всех. Что дало ему право высказать свое мнение о ценовой политике мест для отдыха на немецких автострадах. Взгляд у кассирши в итоге тоже стал ледяным.

Мы сели за самый дальний столик. Хайнц раскрыл булочку, выковырял вложенные лист салата, ломтики помидоров и огурцов и начал есть. Жуя, поочередно посмотрел на нас.

– Это все несвежее, – объяснил он. – Я читал. Нужно быть осторожным из-за микробов и всего такого.

Доротея посолила помидор и сунула в рот.

– Ах, Хайнц...

Он ободряюще пожал ей руку.
– Тухлое мясо хуже.

Больше никаких инцидентов не было. Я воздержалась от сигареты, папа купил себе газету, Доротея глянцевого журнал, я села за руль и пристегнулась. Едва я тронулась, папа судорожно схватился за ручку дверцы и в лихорадочном волнении посмотрел на меня:

– Ты видишь, что «мерседес» за тобой тоже выезжает?

– Да, папа.

Я вырулила на автобан, прибавила газу и перешла на следующую передачу.

– А почему без двойного выжима?

– Папа, это требовалось тридцать лет назад, на старых машинах, сейчас так не делают.

– Это бережет мотор.

– Ерунда.

– Гм... Ты поворотники вообще включаешь?

Доротея тихо засмеялась, но промолчала. Я встроилась в поток и поправила зеркало заднего вида.

– Кристина, это следовало сделать до того, как ты начала движение. Нужно же видеть дорогу.

– Папа, почитай газету.

Он наклонился ко мне, чтобы посмотреть на тахометр. Одной рукой при этом оперся о консоль.

– Сто сорок. Куда мы спешим?

Доротея сзади положила мне руку на плечо, успокаивая.

– Хайнц, мы все время ехали с этой скоростью.

– Но Кристина сидит за рулем незнакомой машины. Долго ли перевернуться? И держи дистанцию побольше, тот грузовик, мне кажется, сейчас начнет перестраиваться.

– Папа, все в порядке. Я двадцать семь лет за рулем – и ни одной аварии. И эту машину вожу часто.

– Но у тебя было мало практических занятий тогда, я помню.

Я сдалась.

Спустя добрых полчаса, еще до того, как фризский паром подошел к Норддайхскому молу, мы подъехали к порту. Когда я еще не знала об отцовском чемодане, предполагалось, что мы оставим машину на стоянке паромства и дойдем до парома пешком. На Нордернее мы хотели взять до дома Марлен такси. Мысль о том, что мне придется волочить этот чемодан до парома, а с ним еще и две дорожные сумки и кучу кошельков, а на острове с трудом запикивать все это барахло в такси, всерьез меня напугала, и я решила ехать на машине. Доротея со мной согласилась. А папа, изучивший проспект паромства «Фризия», считал, что в этом нет смысла.

– Ну что за бред? Здесь написано, что ездить на машине можно не везде, да и билет на паром стоит дорого, и остров слишком мал, зачем нам там машина?

Однако Доротея тоже слишком устала, чтобы вступать с ним в дискуссию. Мы въехали на дорожку, идущую к причалу, и пошли за билетом.

– Одна машина, трое взрослых. Сегодня туда и через две недели обратно.

Я улыбнулась билтеру и попыталась загородить собой кассу от отца, стоявшего за мной. Это ни к чему не привело. Ответ раздался через микрофон:

– Сто четырнадцать евро.

– Сколько? А если без машины? – протиснулся вперед отец.

– Пятнадцать евро с человека.

– И только за то, что мы сидим в машине, на которой на этом островке даже не везде можно ездить, вы дерете такие деньги? Это грабеж!

– Вы можете оставить машину на стоянке, так делает большинство пассажиров.

– Именно это я и говорил, Кристина. Понимаете, просто у моей дочери куча багажа, и она не хочет его нести. А я приехал с Зюльта, и там устроено так, что...

– Хайнц, пойдем. – Доротея взяла отца под руку и повела к выходу. – Давай выйдем на солнце.

Я посмотрела им вслед и снова перевела взгляд на кассира. За мной тем временем образовалась очередь из восьми человек.

– Одна машина, трое взрослых, сегодня туда, через четырнадцать дней обратно.

– Ваш отец?

Взгляд его был полон сочувствия, когда он протягивал мне в окошко билеты до Нордерней и чек. Я кивнула.

– И все же желаю вам приятно провести время на острове.

У меня было такое чувство, что я должна с ним объясниться, только не знала, с чего начать.

– Спасибо, все будет плохо. То есть я имею в виду – все будет отлично, только...

Но кассир уже обслуживал следующего, и я пошла назад, к нашей машине и своему папе.

Большинство транспортных средств, стоявших в очереди на погрузку, были микроавтобусами, машинами доставки или с аурихскими номерами, то есть местными. Хайнц уселся на свое место, обойдя очередь.

– Неудивительно, при их ценах нужно быть сумасшедшим, чтобы брать с собой машину. Теперь все думают, что мы считаем себя лучше других. Стыдно.

– Папа, перестань, я больше не могу это слышать, твой дурацкий чемодан стоил мне столько нервов, что я больше не хочу тащить его на себе.

Папа встревоженно посмотрел на меня:

– Ты очень нервная. Тебе действительно нужен отпуск, ты раздражаешься от каждой мелочи. Но погоди, через две недели станешь совсем другим человеком.

Я опустила голову на руль и прикрыла глаза.

* * *

У нас было одно большое преимущество: решив взять с собой машину, мы избежали очереди на паром. Поэтому первыми поднялись в салон, в котором располагался ресторан. Мы уже сидели за столиком у окошка, а пассажиры еще штурмовали трап. Они волокли за собой тележки или тащили на спинах рюкзаки, нетерпеливо напирали друг на друга и толкались.

Доротея наблюдала за происходящим.

– Боже мой, это никогда не кончится. Что им всем нужно на Нордернее?

– Мы тоже туда едем, – тут же откликнулся папа. – Вы заметили? Большинство этих людей старше вас лет на двадцать и сами несут свой багаж.

– У них чемоданы на колесиках, Хайнц, чего не скажешь о господине с больным бедром за нашим столом.

Хайнц обиженно схватил меню.

– Не знаю, что вы привязались к моему чемодану, – буркнул он, листая страницы. – Колбаски, отлично. На паромах я всегда ем колбаски. Они почему-то оказываются очень кстати.

Я взяла у него меню.

– Мне показалось, ты боишься испорченного мяса.

Хайнц вскинул на меня глаза:

– Но не в колбасках же. Я в это не верю. К тому же я вовсе не боюсь. Так классно даже моя мама не готовила.

Он с интересом огляделся.

– Красивый корабль. И здесь очень чисто. И он больше, чем я думал. Похож на настоящий паром.

– Папа, это настоящий паром.

– На линии Рёмё – Зюльт он больше.

– Ерунда.

Папа начал вставать, но Доротея его удержала. Она уже несколько минут боролась с судорожным смехом.

– Сядь, куда ты рвешься?

– Пойду на мостик и спрошу у капитана. А что это за дурацкий смех?

Доротея попыталась ответить:

– Это... из-за... твоей мамы...

Она захохотала во все горло. И заразила меня.

Папа не понял.

– Ты же не знала мою маму.

Его прервал официант, возникший у нашего столика.

– Что вы желаете?

– Вы знаете габариты судна?

Официант был вьетнамцем. Он дружелюбно посмотрел на нас.

– Только пожелания еды и напитков.

– Хорошо. Тогда я желаю колбаски и кока-колу. А если вы возьмете себя в руки и выберете еду, молодой человек сумеет обслужить еще кого-нибудь.

Я уже снова обрела серьезность.

– С каких пор ты пьешь кока-колу?

– Всегда. Твоя мать думает, что от нее толстеют, и поэтому ее не покупает.

– Когда я была ребенком, ты мне запрещал пить колу.

– Чушь, ее тогда вообще не было.

Доротея все еще не могла справиться со смехом.

– Хайнц, тебе больше лет, чем Кристине.

– В самом деле? Значит, она ей тогда не нравилась. Деточка, попробуй сейчас.

Официант терпеливо ждал.

– Я буду воду. И мне нравилась кола.

Папа нахмурился и посмотрел на Доротею:

– Иногда я ее просто не понимаю. Но хотя бы ты выпьешь со мной колы?

На память пришли мармеладные мишки, и я хотела ее предостеречь. Но потом вспомнила, что мне сорок пять и я очень нервная.

Тем временем паром отошел от причала и взял курс на Нордерней. Удивительным образом почти всем пассажирам нашлось в ресторане место, лишь немногие припоздавшие выискивали, где бы им сесть.

Мой взгляд упал на двух громко разговаривавших и смеявшихся женщин. Я обратила на них внимание не только из-за пронзительных звуков, которые они издавали, но и потому, что они умопомрачительно выглядели. На вид им было лет шестьдесят или чуть больше. У той, что поменьше ростом, была высоко взбитая прическа, я такую в последний раз видела у тети Анке на одной из легендарных вечеринок моих родителей. Семидесятые в чистом виде, невероятное количество заколок, усыпанных стразами, лак для волос, на ушах – пряди,

скрученные штопором. На даме были красные лакированные кожаные сапоги и застегнутый на все пуговицы пуховик до щиколоток. Температура воздуха при этом по-прежнему достигала двадцати пяти градусов. Вторая была на голову выше – волосы начесаны лишь слегка, кончики, достающие до подбородка, яркого морковного цвета. Ее одежда была чрезмерной даже для семидесятих: розовая шерстяная юбка, красный шерстяной пуловер, оранжевое пончо, желтый шарфик и чулки с пестрым рисунком. Все это вязаное.

Доротея обратила внимание на мое потрясенное состояние и стала искать причину. Найдя – едва не подавилась. Я старалась сохранить серьезность.

– Ну, Доротея, и как, на твой взгляд профессионального художника по костюмам, такой стиль?

Доротея ответить не успела, папа тоже их обнаружил.

– Видели тех двух дам?

Доротея откашлялась.

– Пестренькое смотрится весело, правда?

Папа задумчиво смотрел на этот взрыв цвета.

– По-моему, это красиво. Твоя мама обычно тоже хорошо одевается, но иногда все-таки мрачновато.

Я решила, что надо срочно рассказать Доротее о слабости отца в цветовосприятии во избежание каких-нибудь более серьезных недоразумений в будущем.

Колбаски отвлекли отца от намерения идти на капитанский мостик. Я с облегчением смотрела в окно. Вдали уже можно было различить высотные дома острова. Папа вдруг резко поднялся.

– Мне нужно в туалет. Увидимся.

Он встал, ища взглядом направление, и я показала ему, куда идти. Он бегло улыбнулся и ушел. Я тяжело вздохнула и спросила Доротее:

– Теперь ты понимаешь, почему я была против?

Доротея засмеялась:

– Ах, что ты! А мне Хайнц кажется забавным. Он всегда хочет как лучше, просто с ним приключаются всякие смешные истории.

– Можно на это и так посмотреть.

Я не собиралась ни дискутировать с Доротеей на тему отношений отцов и дочерей, ни проявлять нелояльность к отцу, однако все было не так просто, как она это себе представляла. Но к чему нагонять на нее страх? Доротея показала на Нордерней и на небо:

– Посмотри, лето, остров, море. Я так рада, что мы решили поехать к Марлен.

Марлен еще весной спросила меня, смогу ли я помочь ей с ремонтом. Никакими специальными навыками я в общем-то не владела, зато много лет помогала бабушке в ее пансионе. Я справлялась с уборкой номера за пятнадцать минут, а приготовление завтрака для двадцати человек было для меня самым плевым заданием. А у Марлен появилось бы время на рабочих. Пансион забронирован, так что с расписанием в первой половине дня у меня уже все понятно.

Пивная должна была открыться на будущей неделе. Марлен решила сотворить из нее нечто совершенно особенное: красивый цвет, красивое освещение. К тому же она вспомнила, что Доротея художник по костюмам и декоратор. В один из своих приездов Марлен показала Доротее макеты, и Доротея так восхитилась, что Марлен предложила ей приехать на остров вместе со мной. У нее в отличие от моего отца было безупречное чутье на цвета. Вопрос Доротее вернул меня в настоящее.

– А как у Марлен дела на личном фронте? Она пережила разрыв?

– Думаю, да. И хлопот у нее полон рот, некогда вспоминать об этом придурке.

– В таком случае получается, что мы трое впервые одновременно остались одни. Что-то этим летом должно произойти. Кристина, это было бы нечто, знаешь, такой красивый курортный роман.

– С Хайнцем на хвосте?

Доротея рассмеялась:

– Его придется сбрасывать с хвоста, как прежде, когда мы сбегали, чтобы тайком выпить, покурить и пообниматься.

Я только успела подумать о следующих двух неделях, которые скорее всего примерно так и придется провести, как сообразила, что его нет уже довольно долго. Сердце остановилось.

– Скажи, куда он подевался? Вывалился за борт или все-таки пошел на мостик?

Я уже собиралась отправиться на поиски, как вдруг увидела его. Он, улыбаясь и блестя глазами Теренса Хилла, держал курс прямо на нас, с двумя грациями на буксире. Пуховик шествовал за ним, следом катился шерстяной клубок.

– Доротея, держи себя в руках, не то упадешь в обморок.

Она обернулась, когда трио уже добралось до нашего стола. Хайнц остановился и широким жестом указал на нас:

– Милые дамы, вот и мы. Позвольте представить? Моя дочь Кристина, ее подруга Доротея, а это, дети, фрау Клюпперсберг и фрау Вайдеманн-Цапек, которых я пригласил с нами выпить. Так что подвиньтесь.

Слов у нас не было. Мы молча потеснились. Отец сел рядом с пестренькой фрау Клюпперсберг, на что фрау Вайдеманн-Цапек ответила злобным взглядом. Доротея вновь обрела присутствие духа.

– Хайнц, полагаю, мы больше ничего не сможем заказать, поскольку уже расплатились, да и паром сейчас причалит.

Папа посмотрел в окно, порт был уже перед нами.

– В самом деле. Ну ладно, тогда отложим. Отложить, как говорится, не отменить.

Он улыбнулся, довольно лихо, на мой взгляд. Клюпперсберг и Вайдеманн-Цапек жеманно захихикали. Взгляд у Доротеи стал сосредоточенным. Она вот-вот готова была разразиться смехом. Ища спасения, она начала беседу:

– Вы в первый раз на Нордернее?

– Да, в первый, – ответил пуховик Вайдеманн-Цапек. – Знаете, мы с подругой много путешествуем и очень это любим, но прежде всегда предпочитали южные края. Мы – дети солнца.

Она засмеялась немного резко.

«Дети солнца», – подумала я и посмотрела на фрау Клюпперсберг. Действительно, все было вязаное. И вблизи еще более пестрое. Мой взгляд она расценила как интерес.

– Но этим летом мы решили покорить Северное море. И если в первый же день забавнейшим образом сумели познакомиться с таким очаровательным господином, как ваш папа, это прекрасный знак.

Я не стала спрашивать, каким именно забавным образом очаровательный господин подцепил этих двух матрон, но узнать мне все-таки пришлось. Пока я бросала отчаянные взгляды на Доротею, которая пялилась в окно и кусала пальцы, папа уже пустился в объяснения:

– Да, это и в самом деле забавно. Я как раз открывал дверь туалета, когда судно качнуло. Я оступился и столкнулся с фрау Вайдеманн-Цапек. Она упала, я на нее, и фрау Клюпперсберг помогла мне встать.

Доротея тихо застонала.

– Да, все так и было! – сияя, закивала фрау Клюпперсберг. – Мехтхильда не пострадала, на ней ведь толстый пуховик, он смягчил падение.

С Доротеей приключился приступ кашля. Я заметила, что сижу с открытым ртом, и поспешила его закрыть.

Мехтхильда Вайдemann-Цапек злобно посмотрела на подругу. Обрисовалась небольшая конкурентная борьба. Папа, разумеется, этого не заметил. И обратился к обеим:

– А где вы остановитесь на острове?

Они ответили вместе:

– В «Доме Теды». На Кайзерштрассе.

Доротея подскочила.

– Извините, мне нужно в туалет... Позвольте?

Фрау Вайдemann-Цапек встала и пропустила Доротею. Та понеслась к выходу. Папа посмотрел ей вслед.

– Надеюсь, у нее не приступ морской болезни, ведь мы уже в порту.

– Не волнуйся, папа, наверняка нет.

– Наверное, женские проблемы, – тихо произнес он заговорщицким тоном. – Ничего, все пройдет. На чем мы остановились? Ах да... Кайзерштрассе. И где именно?

– «Дом Теды».

Он ненадолго задумался. Потом лицо его просветлело.

– Нет, этого не может быть! Какое совпадение! Это ведь пансион Марлен. Знаете, мы направляемся туда, чтобы подставить ей плечо и помочь с ремонтом пивной. Так что как бы принадлежим к числу ваших хозяев.

Теперь и мне понадобилось в туалет.

Доротея стояла возле раковины, подставив пальцы под струю холодной воды. Увидев меня в зеркале, она разразилась смехом. С моим самообладанием тоже было покончено. Говорить мы не могли – съехали по стене вниз и вытирали слезы. Тут по радио прозвучало сообщение:

– Дамы и господа! Просим вас вернуться к своим транспортным средствам, мы причаливаем к острову Нордерней.

Доротея несколько раз глубоко вздохнула.

– Силы небесные, в это никто не поверит! Пойдем, надеюсь, нам не придется силой отрывать Хайнца от этой парочки.

Мы с трудом прокладывали себе путь сквозь толпу, ожидавшую у выхода. Ни Хайнца, ни его группы поддержки в этой толпе видно не было. У меня возникло нехорошее предчувствие, и, махнув Доротее, я пошла к палубе для автотранспорта. Мое предчувствие оправдалось. Хайнец стоял, прислонившись к машине, фрау Вайдemann-Цапек, фрау Клюпперсберг и три их чемодана – рядом. Завидев нас, он радостно замахал.

– Вот и вы! Ну, Доротея, тебе лучше? Послушайте, вы же понимаете, как все сложно, когда приезжаешь без машины. Я уже говорил дамам, что до места придется ехать либо на такси, либо на автобусе, а с багажом это очень неудобно. Мы все равно направляемся по тому же адресу. И берем дам с собой.

Я потеряла дар речи. Доротея посмотрела на чемоданы.

– Подскажи, Хайнец, а как нам впихнуть в машину еще и чемоданы дам?

– Открывай машину, все получится.

Мой страдающий болями в тазобедренном суставе отец распахнул багажник и задние двери машины и принялся с бешеной скоростью жонглировать чемоданами. Вскоре багажник был вновь закрыт, а половина заднего сиденья загружена до самого верха.

– Вот! – потер он руки. – Можно садиться. Фрау Вайдemann-Цапек, я полагаю, сядет сзади, а фрау Клюпперсберг – на переднем сиденье?

Дамы, хихикая, начали церемонно усаживаться, а папа тем временем протянул руку за ключом. И только теперь обратил внимание на наши лица.

– Что такое? Здесь совсем недалеко, и вы без вещей. Небольшой марш-бросок после всей этой езды за рулем только пойдет вам на пользу.

– Папа, но ты же не знаешь, куда ехать!

– Нет, знаю. Но у наших постояльцев есть схема проезда, к тому же Доротея может включить свой навигатор. Не води себя так, словно я выживший из ума старик, которого нельзя оставлять без присмотра.

Ответ я проглотила, в конце концов, он мой отец.

«Такой человек»

М. Вернер

Мы с Доротеей выстояли длинную очередь на выход, предъявили свои билеты и пошли в сторону Кайзерштрассе. Солнце било нам в глаза. За портовой площадью нас обогнал автомобиль Доротеи. Папа радостно посигналил нам и на второй передаче проехал мимо. Я проводила его взглядом.

– Он сказал тебе, что последние двадцать лет ездил только на «автомате»?

– Ах вот почему он... – Доротея сглотнула. – В таком случае он не знает, когда переходить на третью. Ну ладно. Механизм справится. Надеюсь.

Доротея была невозмутимым человеком. В ту минуту меня это очень обрадовало, в противном случае мне пришлось бы волей-неволей защищать отца. Очевидно, она прочитала мои мысли.

– Интересно, как Хайнц справится с этими двумя валькириями? Мне они показались весьма решительными особами, – засмеялась она. – Попомни мои слова, Кристина, они нас еще позабавят.

– А ты понимаешь, что я их каждый божий день буду видеть в пансионе?

– Конечно, ты ведь на ближайшие две недели становишься феей утренних трапез. Надеюсь, ты все сделаешь правильно. Фрау Вайдемманн-Цапек подчеркнула, что они много путешествуют, значит, весьма искушены. Но тебе и не удастся что-то не так сделать, ведь они надеются тебя использовать, чтобы заполучить твоего отца. Каждая для себя, разумеется.

– Что за чушь? Ты насмотрелась плохих фильмов!

Доротея остановилась у скамейки, с которой открывался вид на море.

– Я видела блеск в их глазах, дорогая. Посмотри правде в лицо. А сейчас давай присядем, выкурим тайком по сигаретке и соберемся с силами перед хаосом, который ждет нас в пансионе. Думаю, это будет самый богатый событиями отпуск из всех, что мы провели вместе.

Я уже дважды навещала Марлен на острове, поэтому знала дорогу. Когда я была здесь в последний раз в январе, Марлен только начинала ремонт пансиона. Я едва узнала дом. Его выкрасили в снежно-белый цвет, красная черепичная крыша была новой, на большой застекленной веранде заменили стекла, а оконные рамы в мансарде стали синими. Только табличка «Дом Теды» осталась старой.

Доротея замерла.

– Это чудесно! А я себе представляла такую старую лачугу. И дом действительно большой. Сколько здесь комнат?

Я задумалась.

– По-моему, двенадцать. Или тринадцать. И все уже заняты. Поэтому ночевать нам придется в другом месте. Наша квартира, впрочем, совсем рядом, вон в том красном домике. Он принадлежит Марайке, подруге Марлен. Сама она живет в квартире наверху, а нижнюю сдает. Она врач в дерматологической клинике, но сейчас в отпуске, так что ее нет и весь дом в нашем распоряжении. Просто идеально, ты не находишь?

Машина Доротеи заняла два из трех парковочных мест у пансиона. Я заглянула на заднее сиденье. Похоже, произошло спонтанное излечение бедренного сустава – чемоданов не было. Мой папа кавалер, ни одной даме не позволит таскать тяжести, разве что дочери.

Марлен стояла у небольшой регистрационной стойки и заполняла формуляры. Она подняла голову, когда мы вошли, и улыбнулась:

– А вот и вы! Как твоя голова, Доротея? Тебе лучше?

Она вышла из-за стойки и обняла сначала меня, затем Доротею.

– А что с головой?

– Хайнц сказал, у тебя так разболелась голова, что ты не могла вести машину и решила пройтись пешком. А чтобы уберечь тебя от обморока по дороге, Кристина пошла вместе с тобой. Поэтому он предложил довести машину до места. А зачем она вообще вам тут понадобилась? Она здесь и не нужна.

Я присела на скамейку.

– Это долгая история. Такая же долгая, как и история с головной болью. Расскажу на досуге.

Марлен встревоженно посмотрела на меня:

– Ах, неужели и у тебя болит голова?

Доротея опустилась на скамейку рядом со мной.

– Нет, Марлен, ни у кого ничего не болит. Все в порядке. А кто, кстати, парковал мою машину?

– Хайнц нечаянно припарковался поперек, здесь обычно паркуются под углом, но это не важно, зато он был так любезен, что привез двух гостей моего пансиона. Какое совпадение, что они оказались с вами за одним столом!

Мой папа удивлял меня все больше. опередил нас лишь на двадцать минут, а столько всего успел нарасказать. Тем временем было уже семь вечера. Я встала и потянулась.

– И где же мой отец? Хотелось бы забрать наши вещи из машины и отнести их в квартиру, распаковаться, а потом спокойно поужинать и все обсудить. А тебе придется пока потихоньку привыкать к Хайнцу.

– А что с ним не так? Вообще-то он уже в квартире, я ему все показала.

Доротея пожала руку Марлен.

– С ним очень весело. Надо просто найти ему дело. Кристина, как дочь, принимает все слишком близко к сердцу.

– А что с нашими вещами? – У меня опять появилось странное предчувствие.

– Ваши чемоданы я уже отнесла. Кристина, тебе надо купить чемодан на колесиках. А дорожные сумки Хайнца еще в багажнике, он сказал, что сам принесет их. Но погоди, ключи от машины здесь, так что забирайте.

Мы пошли к машине и открыли багажник. Все наши вещи были в неприкосновенности. Доротея увидела мое лицо.

– Нельзя требовать от него, чтобы он таскал наши сумки.

– Конечно, нет. Но он и свои не таскает.

– Но ведь у него же...

– Про его бедро даже не заговаривай. С чемоданами Вайдеманн-Цапек и Клюпперсберг он справился легко. И не похоже, что они были пустые.

– Шерсть и пух ничего не весят.

Доротея засмеялась, натягивая на плечи ремни дорожных сумок. Остальное навьючила на себя я, и мы, пошатываясь, побрели к красному домику.

Нам пришлось позвонить в дверь раз пять, пока наконец послышались шаги отца в прихожей. Он остановился у двери, стараясь рассмотреть нас в глазок.

– Кто там?

– Папа, открой!

– Кристина? Доротея? Это вы?

Я шагнула к двери.

– Папа!

– Одну минуту!

Мы услышали, как ключ дважды повернулся в замке, потом дверь медленно приоткрылась. Я протиснулась мимо отца, причем с плеча слетела одна сумка, следом за ней другая. Кошелки и три куртки я сбросила на пол сама. С Доротеи тоже все посыпалось. Папа обо-зрел беспорядок и покачал головой:

– Могли бы и два раза сходить. Здесь было так чисто.

Я удивилась, что Доротея и не подумала ответить ему злобным взглядом, сама-то я опять не преминула это сделать. Доротея же, напротив, затолкав ногой сумки в угол, взяла папу под руку.

– Ну, босс, проведите экскурсию по нашим апартаментам.

Он склонился в поклоне.

– С удовольствием. Здесь очень хорошо. Сразу видно, что эта врачиха аккуратная женщина.

Наша квартира начиналась в длинном холле-прихожей, из которого две двери вели в спальни, одна – в гостиную. Ванная находилась возле первой спальни, кухня – напротив. Из гостиной был выход на террасу, с которой ступени вели в сад. Я вышла на террасу и обернулась к отцу.

– Где ты хочешь спать?

– Я устроился в первой спальне. Там я буду ближе к двери, на тот случай, если к нам станет кто-нибудь ломиться.

– А если воры заберутся с террасы?

– Но выходить-то они будут через входную дверь.

– Ага. А первая спальня, часом, не самая большая?

Папа ответил мне дружелюбным взглядом.

– Нет, но матрас на кровати лучше. Я проверил раскладушку в гостиной, отличное спальное место. Здесь можно прекрасно отдохнуть.

Я увидела себя тихими летними ночами на ступенях террасы, где удобно выкурить тайком сигарету, пока папа спит на своем хорошем матрасе. Эта картина заставила меня улыбнуться.

– Хорошо, тогда я буду спать в гостиной.

Доротея забрала свои вещи из прихожей и занесла их во вторую спальню. Папа проводил ее взглядом и подошел ко мне на пару шагов.

– Скажи, Кристина, – тихо спросил он, – ты не могла бы мне помочь, с чемоданом и вообще?...

– Я целый день помогаю тебе с твоим чемоданом.

– Нет, я имею в виду помочь мне его распаковать. Твоя мать всегда кладет рядом вещи, которые нужно носить вместе.

Вид у него был смущенный. Мне не хотелось облегчать ему задачу, пусть скажет то, что хочет сказать.

– И что?

– Ну... – Он мял свои большие пальцы. – Я положил туда же свои инструменты, поэтому порядок был немного нарушен, и теперь я не знаю, какие вещи к чему подходят.

Его стремление в течение двух недель без мамы одеваться подобающим образом меня тронуло.

– Пойдем посмотрим. Но распаковываться придется позже, потому что Марлен заказала столик на восемь вечера, а уже без четверти восемь.

Я прошла за ним в его спальню, бросила взгляд на вещи в чемодане и тут же его захлопнула. Папа положил инструменты в самую середину и аккуратно завернул в одежду.

– Да, ты прав, тут теперь не так просто разобраться. Я сделаю это после ужина. Надо спросить у Марлен, не одолжит ли она мне свой утюг.

У отца на лице отразилось облегчение.

– Большое спасибо, Кристина. Но мама перегладила все рубашки, тебе не нужно гладить их второй раз.

Я подтолкнула его к выходу и крикнула Доротее, что пора идти на ужин.

Около восьми мы входили в «Молочный бар», где Марлен зарезервировала столик. Она уже была там, сидела на месте, с которого открывался волшебный вид на море. На входе папа неуверенно огляделся. Я угадала его мысли.

– Это только называется «Молочный бар», папа, а на самом деле нормальное заведение.

– Думаешь, у них будет пшеничное пиво?

– Наверняка.

Он сразу расслабился. Увидев нас, Марлен поднялась с места.

– Прекрасно, вот и вы. Уже распаковали вещи? Со спальными местами все в порядке? Если вам что-нибудь понадобится – обращайтесь.

Доротея плюхнулась на стул.

– Прекрасная квартира. Просто высший класс. Кристина добровольно выбрала гостиную, а у Хайнца и у меня – по спальне.

Хайнц сначала уселся рядом с Доротеей, но потом пересел напротив.

– Хочу видеть море, – улыбнулся он нам. – Чтобы было почти как дома.

Он с жадностью смотрел на воду. Я вспомнила, как он не любит ездить. А в этот раз ему пришлось ехать еще и без мамы. Наверное, я с ним недостаточно терпелива. Вид у него был немного потерянный. Марлен оборвала голос моей совести.

– Что будете пить? Здесь самообслуживание. Может, я схожу за шампанским? Выпьем за встречу.

– У меня от него изжога. Тут есть пшеничное пиво?

– Конечно. Значит, Хайнцу пшеничное пиво, а нам шампанское?

Я кивнула, а Доротея встала.

– Я помогу тебе принести.

– Все в порядке? – спросила я, когда они отошли.

– Да... пожалуй... Я просто подумал...

У меня перехватило горло.

– О чем?

– Остров этот не такой большой, как Зюльт, за две недели я обойду его сто раз. Надеюсь, это будет не слишком скучно.

– А что еще?

– Если я спрошу у Марлен, как устроились фрау Клюпперсберг и фрау Вайдemann-Цапек, она мне, конечно же, скажет, что отлично, так ведь? Она так скажет, поскольку это ее пансион. А как я узнаю, правда ли это?

– Поинтересуешься у дам.

– Но это было бы слишком навязчиво.

– Ах, папа, завтра утром стащишь ключ на стойке регистрации и посмотришь сам. И все узнаешь.

– И ты думаешь, никто не заметит?

– Что не заметят? – Марлен поставила на стол пиво и мой бокал шампанского.

– Папа... – Я почувствовала, как он под столом наступил мне на ногу. – Ой! Папа раздумывает, не съездить ли ему завтра утром к своему приятелю Калли, но ведь он предложил свою помощь в ремонте и поэтому хочет знать, заметят ли, если он свинтит в первый же день. Так, папа?

– Кто свинтит? – Доротея осторожно водрузила на стол еще два бокала с шампанским.

– Мой друг Калли вовсе не стар, он даже моложе меня, что, впрочем, незаметно. Ему только семьдесят два года.

– Ну что ж! – Марлен подняла бокал. – Добро пожаловать! Пью за то, чтобы вы прекрасно провели здесь каникулы и немножко поработали.

Когда мы выпили, она обвела нас взглядом.

– Предлагаю вот что: сейчас принесем себе еду, а потом я расскажу, в чем конкретно мне нужна ваша помощь.

Хайнц не торопился следовать за нами.

– Ну, в самом деле, что это такое: если я предпочту самообслуживание, то пойду в забегаловку с картошкой фри. Тут только встанешь, место займут. И потом, стоять у стойки, долго выбирать... девушки на раздаче будут злиться...

– Папа, я принесу тебе что-нибудь.

Он кивнул.

– Что-нибудь с жареным картофелем, но только, пожалуйста, больше никакой колбасы.

Вскоре мы вернулись с малосольной сельдью и жареным картофелем. Хайнц громко разговаривал с супружеской парой за соседним столиком.

– Мне больше нравится играть на Зюльте. Там две площадки на восемнадцать лунок, здешние для меня малы. Тут ведь только на девять? Можно сразу отправляться в мини-гольф.

Супруги вежливо нам кивнули.

– Большое спасибо за информацию, – поблагодарила женщина. – Мы еще раз спокойно все взвесим, но, возможно, вы и правы. Хорошего вам дня и приятного аппетита.

Папа посмотрел сначала на меня, потом на тарелку.

– Вот это годится. Интересно только, почему они не могут приносить еду сами?

– Скажи, а о чем ты с ними говорил?

Он собрал с тарелки петрушку и листья салата и выбросил в пепельницу.

– Да ничего особенного. Просто спросил, зачем они сюда приехали.

Марлен наблюдала за его действиями по очистке тарелки.

– Полагаю, приехали в отпуск, как тысячи других.

– Неверно. – Он ткнул вилкой в направлении Марлен. – Они собирались поиграть здесь в гольф.

Так я и думала.

– И ты им рассказал, что на Зюльте играть лучше?

– Ну конечно. У нас три поля для гольфа и четвертое строится.

Доротея покачала головой:

– Разве хорошо сманивать клиентов?

– Почему нет? – простодушно посмотрел он на нее.

Марлен боролась со смехом.

– Это можно расценить как совет гольфиста гольфисту, никакого злого умысла.

– Папа ни разу в жизни не играл в гольф.

– Я это и не утверждал. Но наши поля хороши. Я часто хожу мимо. Там играет Уве Зеелер¹.

Папа сунул вилку в рот и кивнул для убедительности.

Когда мы поели, Марлен достала из сумочки эскизы и фотографии.

– Мы сумеем все осмотреть утром, сегодня не получится, там делают пол, и ходить по нему можно будет только завтра. Но выглядеть должно вот так.

Слово «пивная» к этому помещению не подходило вовсе. На эскизах оно скорее напоминало изысканный бар-гостиную. Марлен решила рядом с баром поставить кожаные

¹ Немецкий футболист, выступавший за «Гамбург». – *Здесь и далее примеч. пер.*

диваны и кресла, в центре должен был появиться стеклянный со всех сторон камин, в смежном помещении – хромированные столы и ротанговые кресла, здесь она планировала подавать закуски. Мы с Доротеей были впечатлены. Хайнц не так сильно.

– И они будут есть гороховый суп и вытирать жирные пальцы об обивку, – сказал он.

– Хайнц, гарантирую, что горохового супа здесь не будет.

Доротея сосредоточенно изучала эскизы, и у нее тут же родились идеи. Она предложила Марлен разные сочетания цветов, разыскала в сумке карандаш и принялась записывать оттенки и делать пометки на полях. Папа недоуменно следил за ней.

– Да покрасьте все в белый цвет. Или латексной краской, стены даже можно будет протирать мокрой тряпкой.

– Папа!

– Хайнц!

– Я просто высказал свое мнение. И чем займусь я? Красить я не могу. Да и руки потом не отмоешь.

Доротея подняла голову.

– Думаю, я с удовольствием сделаю это сама. И мне кажется, морские мотивы местами будут смотреться очень красиво. Я их просто нарисую. Надеюсь, Марлен, ты мне доверяешь?

Марлен кивнула:

– Я потому и спрашивала твое мнение. Я нашла пару школьников, они смогут под твоим руководством красить большие поверхности, а у тебя останется время на тонкую работу.

– Прекрасно. Это то, что надо.

Марлен снова вернулась к чертежам.

– Короче, главная проблема – решить, кто, где и когда может быть полезным. У меня полный пансион народу, поэтому до десяти утра мне не вырваться. Моя помощница, которая должна была заниматься завтраком, повредила ногу и на три недели выбыла из строя. Это ты возьмешь на себя, правда, Кристина?

Я молча кивнула.

– В восемь утра в пивную приходят рабочие. Нужно еще положить плитку в туалеты и доделать электрику. Не знаю, во сколько ты, Доротея, хочешь начинать работать, но утром нужно, чтобы кто-то был здесь.

Доротея испугалась:

– В восемь утра? Ты серьезно? Я в это время еще невменяема.

Папа выпрямился.

– Следить за рабочими – мужское дело. В восемь утра буду на месте как штык. Никаких проблем.

Марлен улыбнулась ему:

– Я надеялась на тебя, Хайнц. Тебе не придется торчать здесь до обеда. Просто кто-то должен их впустить. Ну и разобраться, если возникнут проблемы.

– Эй, уж я знаю, как общаться с рабочими. Тут нужен авторитет, иначе они сядут на голову. Ты, конечно, слишком мила для этого, поэтому хорошо, что есть я.

Вид у него был очень довольный.

– А Калли я смогу навестить днем или вечером. Ремонт – в первую очередь.

На обратном пути папа гордо рассказывал, какой опыт приобрел со строителями. Я молчала. Большинство этих историй были мне известны от матери, но невежливо вносить поправки в версию такого авторитета. Перед «Домом Теды» мы попрощались с Марлен.

– До завтра. Приходите на завтрак в пансион, потом мы с Хайнцем и Доротеей сходим в пивную, и я покажу Кристине все остальное. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Теда, – ответил отец. – Ой, я имел в виду – Марлен. Спокойной ночи, Марлен.

– Кстати, о Теде. – Я сообразила, что мы вообще не поговорили о Теде и ее новом возлюбленном. – Хуберт и Теда не собираются приехать?

– Как же, собираются. Но сейчас они в Констанце на Боденском озере, и Теда находит тамешние цветы великолепными. Они приедут в будущие выходные. Так что наши голубочки пока порхают.

– Что ж, путешествия расширяют кругозор, говорю я всегда. – Хайнц со значением посмотрел на Марлен. – Ну, спокойной всем ночи.

Он развернулся и направился к нашей временной резиденции. Я чмокнула Марлен в щеку.

– Пойду догонять, он без ключа.

Доротея еще не успела попрощаться, а я уже услышала голос отца:

– Кристина! Дверь заперта!

В полночь я наконец уселась на ступенях, ведущих с террасы в сад, и закурила. Было очень тихо, ясное небо, я смотрела на звезды.

Пока я распаковывала чемодан, папа сидел на краю кровати и внимательно наблюдал за мной.

– Сложи вещи, которые подходят друг к другу, вместе. Тогда мне не придется все время спрашивать. А мы всегда должны будем уходить из дома вдвоем?

Это что? Страх в его голосе?

– Скажи, папа, тебе не нравится, что ты здесь, со мной?

Он на секунду задумался.

– Ну да, нужно просто спокойно осмотреть остров. И как бы то ни было, Марлен без нас пришлось бы ой как несладко. Иногда нужно приносить себя в жертву.

Только я закурила, как позади раздались шаги.

– Подвинься.

Папа в голубой пижаме в белую полоску уселся рядом со мной.

– Где-то что-то жарят? Пахнет паленым. Посмотри-ка, звезды. Когда падает звезда, нужно загадать желание.

Мы сидели рядом и смотрели в небо. Вдруг оборвалась одна звезда, а следом за ней другая. Ни один из нас не сказал ни слова. Мне не хотелось нарушать мирное состояние. Я загадала, чтобы у нас с папой все здесь было хорошо. И чтобы операция у мамы прошла успешно. Ведь упали две звезды. Папа зевнул и потянулся.

– Ну, вот и все. Я иду спать. Не скажу, что загадал, иначе не сбудется.

Он тихо рассмеялся и встал.

– Даже интересно. Спокойной ночи, ребенок, хороших снов. Если что, я рядом.

Я посидела еще немного. Больше звезды не падали. «Но для начала и две неплохо, – подумала я. – Кто знает, что произойдет за время отпуска?...»

«Вот, начинается веселье»

Северин

Я шла босиком по дюне, лицом к солнцу, перед глазами расстиралось море. Внизу на пляже меня кто-то ждал, я волновалась, и сердце мое колотилось. Дюнная трава щекотала левую голень. Вдруг я подумала, что собачий шиповник, растущий здесь повсюду, пахнет совсем не так, как я привыкла. Щекотание и запах усилились, море передо мной стало расплываться.

Я открыла глаза. Папа сидел у меня в ногах, окутанный облаком «Давидофф», и водил шариковой ручкой по моей голени. Я спрятала ногу и попыталась обрести дар речи. У папы с голосом все было в порядке.

– Доброе утро. Ну как? Хорошо спала? Сны в первую ночь на новом месте исполняются, надеюсь, это того стоит. Что тебе снилось?

– Папа, пожалуйста...

Я откатилась в сторону и натянула одеяло.

– Да ладно, скажи. А я тогда расскажу тебе свой.

– Собачий шиповник, который пах, как «Давидофф», – пробормотала я в подушку.

– Что ты сказала? Тебе не обязательно мне рассказывать. Можешь оставить при себе.

Когда мы пойдем завтракать? Я очень хочу есть. И пить тоже.

Я заставила себя подняться. Взгляд упал на ногу. Она была в синих полосах.

– Папа, ты изрисовал мне всю ногу!

Он озадаченно посмотрел на шариковую ручку, которую держал в руке.

– В таком случае она сломана, я нажимал на кнопку. Но это можно оттереть пемзой.

Ты встаешь наконец?

Как противостоять напору, я не придумала и, заспанная, молча прошла мимо него в ванную. Там на полке лежали мои часы. Шесть утра. День начался на час раньше, чем предполагалось.

«Прекрасно! – подумала я, изучая усталые глаза в зеркале. – Мама, я делаю это только ради тебя. И твоего колена, чтоб его!..»

Спустя полчаса мы с папой шли к «Дому Теды». На его радостный крик «Солнце светит, новый день!» Доротея ответила точным броском подушкой и рыком «Вы что, с ума сошли?». Папа аккуратно положил подушку на стул, на цыпочках вышел из комнаты, тихо прикрыл за собой дверь и строго посмотрел на меня, приложив указательный палец к губам.

– Ш-ш-ш... Доротея устала, ей нужно хоть разок выспаться, все-таки она в отпуске.

Я порадовалась, что во рту у меня зубная щетка, для отцеубийства было слишком рано.

Когда мы через заднюю дверь вошли в пансион, навстречу нам вышла Марлен с подносом и вздрогнула:

– Что вы здесь делаете в такую рань? Всего половина седьмого.

– Кто рано встает, тому Бог подает.

Папа взял у Марлен из рук поднос и выжидательно посмотрел на нее.

– Куда это?

– На кухню.

Он на секунду задумался и отдал его мне.

– Ты уже здесь бывала, поэтому знаешь дорогу. К тому же я все равно куда-нибудь не туда поставлю. Скажи, Марлен, мы уже можем позавтракать?

Я с подносом прошла на кухню, Марлен за мной, отец следом. В маленькой кухне нам троим развернуться было негде. Марлен забрала поднос и пристроила его за папой, уронив на пол две корзинки для хлеба.

– Опля! – Хайнц нагнулся, смахнув банку с кофе. – Однако здесь тесновато.

Мы с Марлен одновременно присели и стукнулись головами, папа, поднимаясь, заехал коленом мне в бедро. И все это в седьмом часу утра. Я вскрикнула, отец покачал головой, и Марлен выставила нас обоих из кухни.

– Вы меня с ума сведете! Идите в столовую, столик у окна накрыт, а я сейчас.

Я потерла бедро и поковыляла по коридору, папа пошел за мной, говоря при этом:

– Кристина по утрам точь-в-точь как ее мать. Пока начнет соображать, пройдет вечность, и все, разумеется, из рук валится.

Я выпрямила спину и ускорила шаг.

В столовой я остановилась, поджидая отца, осматривавшего буфет, – я опасалась его вердикта, но, все изучив, он улыбнулся:

– Гляди-ка, что здесь есть. Пять сортов колбасы и овощи, и даже лосось. Каждый может взять то, что любит. Прекрасно!

Марлен с кофейником пришла, когда я вовсю зевала, не прикрывая рот.

– А почему ты не поспала подольше? Мы же договорились на восемь. И где Доротея?

– Ей разрешили поспать.

Я потерла глаза. Накраситься я забыла, ну и пусть. Марлен внимательно посмотрела на меня, потом на папу, отвинчивавшего крышку у банки с мармеладом.

– Тогда выпей кофе и просыпайся. До восьми утра явиться никто не должен.

– Папа пьет кофе без кофеина, от обычного ему плохо.

– Сейчас принесу. А что это у тебя на ноге?

На мне были шорты, лето все-таки, я взглянула на свою голень.

– Шариковая ручка. Можно оттереть пемзой. Как говорит Хайнц.

Он сделал вид, что ничего не понял, и уселся за наш столик с тарелкой, полной еды. Сидел, смотрел то на тарелку, то на нас и сиял.

– Выглядит просто замечательно, Марлен. Положи себе что-нибудь, Кристина, ты же знаешь, утром император, днем король, вечером монах. А сейчас как раз утро.

Марлен взидала на нас, не понимая, о чем речь. Я забрала у нее кофейник.

– Так нужно есть. Чтобы не потолстеть. Это обычный кофе?

Марлен кивнула:

– Другой сейчас заварю, – и исчезла в кухне.

Следующие полчаса прошли мирно. Я знавала мало людей, умевших есть столь само-забвенно и систематично, как мой отец. Все на его тарелке было разложено очень аккуратно. Одному не следовало касаться другого, между нарезкой, хлебом и джемом оставался достаточный промежуток.

Папа начинал завтрак с ломтя черного хлеба, на который он намазывал масло, и не абы как, а точными поглаживающими движениями. Слой масла распределялся одинаково по всей поверхности, без просветов. На корке следов масла быть не должно. Затем он ставил яйцо в подставке точно в центр тарелки и обстукивал скорлупу ложкой. Верхняя треть скорлупы осторожно снималась, края при этом следовало оставлять ровными. Яйцо ненадолго вынималось, счищенная скорлупа помещалась внутрь, яйцо водружалось обратно. Затем яйцо подсаливалось и съедалось ложкой. На второе была булочка, не грубого помола, никаких зерен, никакого мака. Самая обычная булочка. Он разрезал ее на две части, нижнюю съедал с колбасой, из которой предварительно минут десять выковыривал крупинки жира, складывая их в пустую яичную скорлупу. На верхнюю половину булочки он намазывал мармелад, всегда клубничный. Жуя пустую булочку с изюмом, я смотрела на него с восхищением. Он

был полностью сосредоточен, не поднимал глаз, не разговаривал, ничего не воспринимал, поглощенный трапезой. Почему-то это подействовало на меня успокаивающе. Все было мне знакомо. Я это знала всю свою жизнь. И ничего не изменилось.

Через полчаса, прошедшие очень мирно, он салфеткой стер яичный желток со рта, лишь одна крошка осталась в уголке губ, отодвинул в сторону тарелку и довольно улыбнулся:

– Хороший здесь завтрак, правда?

Я коснулась уголка своего рта, но, не успев сказать ему об остатках яйца, услышала шум в холле и увидела, что отец встает.

– Доброе утро, дамы, надеюсь, вы хорошо спали?

– Ах, наш морской герой! Паромный вообще-то, но это не важно. Доброе утро!

Фрау Вайдеманн-Цапек оставила свой пуховик в номере и облачилась в зимний брючный костюм из белой шерсти, а свои искусно взбитые локоны заколола примерно двумя десятками белых заколок.

– Чудесного вам утра, какой прекрасный день и так мило начинается. Эти два места за вашим столом свободны?

И уже схватилась за спинку стула рядом с папой. Фрау Клюпперсберг, вся в чем-то вязаном зеленого цвета пяти разных оттенков, остановилась у стола и милостиво протянула ему руку для поцелуя. Чего он, впрочем, не заметил, поскольку в этот момент вернулась Марлен.

– Доброе утро. Надеюсь, вы хорошо спали. Я накрыла вам вон тот стол. Что вы будете пить? Чай или кофе?

Фрау Клюпперсберг раздосадованно отдернула руку.

– Я буду чай. Но здесь есть два свободных места.

– Нет! – Мой голос прозвучал громче, чем я хотела. Чуть тише я продолжила: – Мы ждем мою подругу Доротею. Мне очень жаль, но вам придется занять соседний стол.

Папа кивнул с извиняющимся видом:

– Это правда. Но вы будете сидеть совсем рядом.

Он снова сел.

– Марлен, даме чай.

– Обеим дамам? – продемонстрировала самообладание Марлен, и хотя я подозревала, о чем она сейчас думает, по ее виду ничего нельзя было заметить.

– Да. – Фрау Вайдеманн-Цапек бросила свою сумку рядом со стулом и села. – Остфризский, пожалуйста, заваривать не более четырех минут и с настоящими сливками, никакого конденсированного молока.

– Разумеется. Сию минуту.

Марлен бросила на меня взгляд и исчезла в кухне. Папа повернулся к дамам:

– Здесь очень хороший завтрак. Выбирайте что хотите, все просто превосходно.

Они лучезарно улыбнулись отцу и отправились накладывать себе еду. Папа посмотрел им вслед.

– Они милые, – сказал он тихо.

Я промолчала. Он протянул мне чашку, я налила ему из кофейника, стоявшего прямо перед ним. Фрау Клюпперсберг вернулась первой. Я поразились, с какой скоростью она сумела наполнить тарелку. Она соорудила на ней настоящую пирамиду из хлеба, сыра и колбасы и придерживала ее сверху большими пальцами. Взгляд отца упал на верхний кусок колбасы, на котором остался вдавленный след от пальцев. Брови у него поползли вверх. У фрау Вайдеманн-Цапек оказалось целых две тарелки. На одной – четыре куса хлеба, две булочки, на второй – колбаса, салат с селедкой и свеклой и нарезанный кружками помидор. Папа сглотнул. Дамы поставили тарелки и вернулись к буфету за яйцами и соком. При

этом одна из них, уходя, толкнула стол, так что кружок помидора свалился с переполненной тарелки на скатерть. Образовалось пятно, помидорно-красное и селедочно-свекольное. Мы оба следили за его появлением, наконец папа тихо спросил:

– И они все это съедят?

В этот момент вернулась Марлен с двумя чайниками, поставила их на соседний стол и под села к нам.

– Ну, Хайнц, хочешь еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Я допью свой кофе, и хватит.

– А ты, Кристина?

Мне ужасно хотелось курить, мой тоскующий взгляд метнулся в сад, где стояли два плетеных кресла и небольшой столик с пепельницей. Марлен угадала, о чем я думаю.

– Через десять минут придет Геза, моя помощница по хозяйству. Кристина, не поможешь ей немного с уборкой? Тогда я смогу сходить с Хайнцем в пивную. Годится?

Мы кивнули, и Марлен вернулась в кухню. Тем временем почти все столики уже заняли. Гостями Марлен оказались пять супружеских пар и компания из четырех пожилых дам, они приветливо здоровались, усаживаясь за столы.

Наши соседки тем временем вернулись. Фрау Вайдеманн-Цапек с размаху швырнула в чашку с чаем леденцовый сахар, что привело к образованию очередного пятна. Папа посмотрел сначала на пятно, потом на меня.

– Ах, Хайнц... Вы разрешите мне называть вас Хайнц? – Фрау Клюпперсберг склонилась к нему и улыбнулась. Между резцами у нее застряли маковые зернышки. – Можем мы сегодня утром воспользоваться вашим талантом экскурсовода и познакомиться с островом?

Я задалась вопросом, что же такого он им наговорил вчера на пароме? О Нордернее он рассказать не мог, поскольку ничего про него не знает, выходит, либо повествовал о Зюльте, либо просто выдумывал. Как всегда, мне стало занятно, как он выкрутится из ситуации, и я проигнорировала его взывающий о помощи взгляд.

– О да, это было бы так мило. – Фрау Вайдеманн-Цапек взяла нож и подставку с яйцом. – Мы втроем нагнали бы страху на этот остров.

Она захихикала, безжалостно вонзая нож в середину яйца. Папа сжался. Фрау Клюпперсберг тем временем положила на кусок хлеба колбасу, сверху накрыла вторым куском, разрешила пополам и завернула в салфетку. При этом она откусывала от булочки с маком, заедая ее салатом из свеклы с селедкой. Наконец она заметила недоумевающий взгляд Хайнца.

– Мы же за все заплатили. Зато потом не придется покупать бутерброды за бешеные деньги. Вам тоже стоит так делать, от морского воздуха просыпается зверский аппетит.

Даже для моего вежливого отца это было слишком. Он отставил пустую чашку и поднялся.

– Мне пора, милые дамы. К сожалению, вам придется обойтись без моих услуг, ведь я здесь затем, чтобы помогать фрау де Фриз. Что обещано, то обещано, от удовольствий придется отказаться. Желаю вам приятно провести день и получить массу положительных эмоций.

Он коротко кивнул, протянул мне руку и вышел. Меня впечатлило, с каким изяществом он сумел обставить свой уход. Я посмотрела на разочарованные физиономии и опустошенный стол и довольно улыбнулась:

– Всего хорошего!

Когда я пришла в кухню, отец стоял рядом с Марлен и рассказывал ей о пятнах на скатерти и стремлении наесться впрок:

– Все в одну кучу! Как можно быть такими прожорливыми?

Марлен освобождала посудомоечную машину, стараясь подавить смех.

– Да Бог с ними, Хайнц, не важно, съедят они все сразу или возьмут с собой.

– Но это так неэлегантно! Это же не кемпинг...

– Папа, ты же говорил, что они симпатичные. Чары рассеялись?

Он неодобрительно посмотрел на меня:

– Чушь, чары. Нужно все равно быть дружелюбным. Но мне не обязательно сразу идти с ними гулять. Так. И что сейчас? Мы отправляемся?

В эту минуту вошла молодая женщина. Длинные белокурые волосы, радостная улыбка, джинсы и футболка.

– Привет, Марлен. Ах, доброе утро!

Она протянула нам руку для пожатия.

– Я Геза, а вы наверняка Кристина. А вы – ее отец? К сожалению, я забыла ваше имя.

Папа склонил голову набок и пожал ей руку.

– Ничего страшного. Меня зовут Хайнц, полагаю, персонал общается между собой на ты.

Геза засмеялась:

– Я с удовольствием. Ну, за удачный совместный труд, Хайнц.

Геза училась в Ольденбурге. Ее родители жили через два дома отсюда. Она начала подрабатывать в пансионе «Дом Теды», еще учась в школе. Сейчас она приехала к родителям на каникулы и решила заодно подзаработать.

Марлен вытерла руки и бросила полотенце на стул.

– Хорошо. Геза, позже займитесь вместе с Кристиной столовой, сегодня у нас нет ни заездов, ни отъездов, так что все нормально. Вы справитесь. Мы с Хайнцем пойдем к рабочим. А вы потом проверьте, все ли в порядке в саду.

Она подмигнула мне и вытолкнула отца из кухни.

– До скорого, я еще приду.

Я повернулась к Гезе, наливавшей себе кофе.

– Не хочешь еще чашечку? Я перед работой должна сначала посидеть в кресле, выпить кофе и выкурить сигарету. – Она смущенно улыбнулась: – Мои родители не знают, что я курю. Правда, смешно, ведь мне уже двадцать четыре.

У меня отлегло от сердца.

– Да, с удовольствием выпью еще кофе. Вообще-то мне сорок пять, но отец не хочет, чтобы я курила. А мы вместе приехали в отпуск на две недели.

– И поэтому ты теперь не куришь?

– Курю. Но тайком. Я ничем не рискую. Ты еще не знаешь моего папу.

После замечательных пятнадцати минут в плетеном кресле с утренним солнцем и сигаретой Геза рассказала, что мне предстояло делать по утрам следующие две недели. Я должна заниматься завтраком, она – комнатами.

– Обычно это делала Кати, моя сестра, но она загнала себе ракушку в ногу. Мама посчитала, что ничего страшного, и Кати ей поверила. Ну а теперь началось воспаление, она пьет антибиотики, и ей нельзя наступать на ногу.

– А почему твоя сестра не пошла к врачу? Мне было бы все равно, что считает по этому поводу мама.

– Моя мама врач.

– Ах вот как...

– Она всегда боялась нас залечить.

Да, это, разумеется, аргумент. Родителей с завихрениями полно.

Я убрала три стола, сварила четыре кофейника кофе, подрезала колбасы и запомнила имена трех постояльцев к тому времени, когда на завтрак явилась Доротея. Она была в обрешанных джинсах и яркой футболке и влетела в холл одновременно с Гезой, тащившей в подвал корзину с бельем. Они сразу понравились друг другу, и Геза решила устроить себе маленький перерыв и выпить в саду кофе.

Пока Доротея завтракала, сидя в плетеном кресле, мы слушали рассказ Гезы о потрясающей истории любви Хуберта и Теды.

– Хуберт из Эссена, владеет какой-то большой фабрикой, понятия не имею, что там делают, но деньги у него, во всяком случае, водятся. Я знаю его с детства, они с женой приезжали каждое лето. Фрау Зандер умерла четыре или пять лет назад. И вот позапрошлым летом он приехал снова. И стал приглашать Теду в Эссен. Поначалу Теда отказывалась, думаю, она никуда не ходила с мужчиной с тех пор, как двадцать лет назад умер дядя Отто, но потом согласилась. Так все и началось.

Доротея проглотила кусок.

– А сколько им лет?

Геза задумалась.

– Теде, пожалуй, около семидесяти, а Хуберту семьдесят четыре или семьдесят пять.

– Кристина, мы в сорок уже думали, что с любовью покончено. А у нас, оказывается, еще полно времени.

Мне эта история показалась очень романтической.

– И сколько они уже вместе?

– Погоди... Марлен приехала на остров в июне прошлого года, а с августа они вместе путешествуют. Значит, почти год.

Доротея вздохнула:

– Красивая история. И успокаивает душу. Когда-нибудь, Кристина, мы тоже найдем своего Хуберта! Выпьем за это!

Мы торжественно чокнулись кружками с кофе.

Вопрос Доротеи: «А где, собственно говоря, Хайнц?» – вернул меня из романтического настроения на землю.

– Господи, Марлен взяла его с собой в пивную, это было час назад. Надеюсь, там все в порядке.

Я резко встала. Геза растерянно на меня посмотрела.

– А почему может быть не в порядке? Что с ними?

Доротея безмятежно допила свой кофе.

– С Марлен абсолютно ничего. Кристина не слишком хорошо управляет с папой. Он, я бы сказала, иногда бывает несколько спонтанным.

Гезу это сбило с толку еще больше. Я попыталась ей объяснить:

– Папа не любит ездить, собственно, он и не ездит, во всяком случае, без мамы. Поэтому сейчас слегка переживает. Для него все это вновь.

– Переживает – это хорошо, – рассмеялась Доротея. – Геза, не волнуйся, наш Хайнц очень забавный. Мы сейчас пойдем туда и посмотрим. Либо Марлен уже удушила его электрическим проводом, либо он приобрел по меньшей мере восемь новых друзей. Последнее мне кажется более вероятным. Кстати, Кристина, у тебя что-то на ноге.

«Я пью за тебя, Мари...» Голос отца звучал громче, чем у Фрэнка Зандера, чью уличную песенку крутили на радио. «За то, что быыыыло...»

Я смотрела на него через открытое окно. Стоя на лестнице, он шпателем заделывал дыру в стене. Услышав, что мы пришли, отец повернулся. Лестница качнулась, у меня перехватило дыхание.

– Мастер, не свались мне тут.

Шкаф в синей робе и с бородой мгновенно оказался рядом и придержал лестницу. Папа улыбнулся ему и оперся рукой о только что зашпатлеванную стенку.

– Как будто я могу свалиться с лестницы! У меня превосходное чувство равновесия, поэтому не волнуйся.

Шкаф скептически посмотрел на него.

– Привет, Кристина, привет, Доротея. Это Онно, электрик. Онно, это моя дочь и Доротея, она с телевидения и будет все здесь красить.

Он провел рукой по лбу, размазав шпатлевку. Его глаза на фоне белой массы казались совсем синими. Доротея завороченно смотрела на него.

– Хайнц, у тебя что-то на лице...

– Так и бывает. – Папа осторожно спустился с лестницы. – Работа оставляет след. Я тут стены шпатлевал, чтобы у тебя для покраски была ровная поверхность. Это, может, и похоже на стену... ты себе не представляешь – сплошные кратеры. Ведь нужно все скорей, скорей, на подготовительные работы не размениваются. Рабочим на все это плевать.

Я поискала зашпатлеванные места на стене, но нашла лишь одно, с отпечатком руки. Наверное, тут и находился кратер.

Кроме нас и Онно, в помещении работали еще двое. У молодого человека на робе красовался тот же логотип, что и у Онно, второй был постарше, они с Марлен стояли в стороне у стола, листая каталог цветов. Папа вытер руки о джинсы и потянул нас с Доротеей за собой.

– Девушки, давайте я представлю вас команде, чтобы вы знали, с кем мы имеем дело. Ну, Онно вам уже известен, он старший над электриками, они тут свет делают, лампы и все такое. Он милый, не слишком разговорчивый, но за это ему и не платят. Он тоже любит слушать шлагеры. И знает Калли.

– Мы вместе в карты играем, Калли и я. – Онно подал нам руку и слегка поклонился. Папа с гордостью смотрел на него.

– Это Хорст, товарищ Онно.

– Здорóво.

Хорст тоже подал нам руку и отвесил поклон. Вид у папы с Онно был довольный.

– Тот, что стоит с Марлен, нам не знаком. Он с материка, говорит Онно, наверное, художник. – Отец понизил голос: – Выглядит как хиппи. Я даже не знаю...

Хиппи при ближайшем рассмотрении оказалось чуть за сорок, у него были широкие плечи, узкие бедра и длинные, до плеч, светлые волосы, которые он стянул лентой. Взгляд Доротеи задержался сначала на его спине, потом опустился ниже.

– Гм...

Мы втроем дружно уставились на нее. Выражение ее лица было однозначным.

– Доротея! – Я добавила в голос укоризны, что, впрочем, мне не слишком удалось.

Папа согласно кивнул:

– Вот видишь, Доротея, ты тоже смотришь на его задние карманы. Надеюсь, наркотиков у него там нет.

– Он уж точно не с острова.

Онно почесал голову и вперился глазами в спину незнакомца, который между тем почувствовал, что его буравят четыре пары глаз. Он что-то сказал Марлен и обернулся.

– Вот и вы. – Марлен пошла нам навстречу. – Все прошло хорошо?

Я улыбнулась. Доротея фиксировала взглядом неостровного хиппи, папа с Онно стояли позади нас, и вид у них был решительный.

– Что-то случилось? – растерялась Марлен.

– Пока нет...

Мне показалось, что в интонации Доротеи прозвучала некая двусмысленность. Папа вышел вперед.

– Марлен, мы должны знать, с кем работаем.

– Что? – удивленно переспросила Марлен.

Я пихнула Доротею в бок, пытаясь отвлечь ее от замаячившей впереди дичи.

– Нет, разумеется, ничего не случилось. Папа с Онно просто хотели нас со всеми познакомиться, но они не знают вот этого господина.

Мужчина тем временем уже шагнул к нам. Я угадала мысли Доротеи: вид спереди еще лучше, чем сзади. На ее лице появилось особенное выражение.

– Ах вот что... – В голосе Марлен сквозило облегчение. – Я думала, Онно его знает. Ну, это Нильс Йенсен, мой дизайнер. Нильс, это моя подруга Кристина, ее отец Хайнц, Доротея, театральный декоратор, она будет работать с тобой, и Онно Паулсен.

Нильс улыбнулся умопомрачительной улыбкой, подал всем руку, долгим взглядом посмотрел на Доротею и, обращаясь к Онно, сказал:

– А мы ведь знакомы, на каникулах я раньше всегда работал в твоей фирме. Мой отец – Карстен Йенсен.

Онно потряс его руку.

– Ты был тогда ниже и с короткими волосами. Я тебя не узнал. Здравóво!

Папа не собирался так скоро отказаться от предубеждения.

– И ваш отец знает, что вы здесь?

– Папа!

– Хайнц!

Нильс взглянул сначала на нас с Доротеей, потом на отца.

– Конечно. Я живу у него.

– Ага. Возможно, нам удастся с ним познакомиться.

На этот раз и Онно удивленно посмотрел на своего нового друга. Нильса же это несколько не напрягло.

– Папа наверняка зайдет сюда, ему интересно, что я сделаю из его любимого заведения.

– Не так уж много вы и делаете, только рисуете.

Марлен закашлялась, а я решила, что для первого впечатления вполне достаточно.

– Папа, уже почти двенадцать. Тебе еще нужно здесь что-то сделать или мы можем уйти? Оглядим окрестности и купим газету?

– Об этом следует спрашивать мою начальницу.

Он улыбнулся Марлен, повернув к ней испачканное шпатлевкой лицо.

– Если она меня отпустит, я смогу уйти с тобой.

Марлен облегченно кивнула:

– Идите. Онно здесь справится, а Нильс обговорит все с Доротеей. Можете не торопиться, гуляйте с удовольствием.

Доротея оторвала взгляд от Нильса и сосредоточилась на Хайнце:

– Ты собираешься идти в таком виде? Ты же весь в шпатлевке!

Он вытер руки о джинсы.

– Нужно переодеться? Не так уж все плохо. Или нет? Кристина, нужно переодеться?

Я подтолкнула его к выходу.

– Сначала зайдем домой. Ну, пока.

Придерживая для меня дверь, он прошептал:

– Надеюсь, этот Нильс чист. Он так странно смотрел на Доротею. Нам нужно к нему приглядеться. Тебе не показалось, что у него зрачки расширены? И тебе стоит отмыть ногу. Или надеть длинные штаны.

Я задумалась, не спросить ли у Нильса, не держит ли он действительно какую-нибудь «дурь». На всякий пожарный.

«Друг, хороший друг»

Х. Рюманн, В. Фрич, О. Карлвайс

Два часа спустя мы сидели в «Сёрф-кафе», перед нами были две вазочки с мороженым и море. Я в бешеном темпе протащила отца по острову. Мы купили газету, по дороге к киоску он увидел, что здесь есть и Фридрихштрассе, и Штрандштрассе, точно как в Вестерланде. В книжном магазине он вовлек хозяйку в дискуссию, упрекнув, что названия улиц ворованные.

– Это словно Зюльт для бедных.

На этом месте я демонстративно вышла из магазинчика и села на скамейку у входа, чтобы выкурить сигарету. Он появился только через пятнадцать минут, присел рядом и сообщил, что владелицу магазина зовут Хельга и она подарила ему путеводитель по Нордернею. И кстати, хочет на Новый год съездить на Зюльт. А он предложил показать ей остров.

– Очень интересная женщина, – похвалил отец. – Она не на Нордернее родилась. Приезжая. Послушай, здесь воняет какой-то дрянью. Пойдем дальше?

Из страха стать фигурами нон-грата в местных лавках я взвинтила темп. Мы пробежали мимо бесчисленных магазинчиков, я показала ему почту, пекарню и никуда не дала войти. Папа постепенно снижал, потом захромал и наконец остановился.

– У меня болит бедро. Мне нельзя так быстро ходить.

– Давай съедим по мороженому?

У меня кололо в боку. Он снял кепку и вытер пот со лба.

– О да. Фисташковое. Со взбитыми сливками.

– Ты сумеешь немного пройти по пляжу? Тогда можно посидеть в «Сёрф-кафе», любуясь морем.

– Разумеется. Пляж – это всегда отлично. Просто не надо так бежать.

Мы молча шли вдоль моря. Папа взял меня под руку, с блаженным видом глядя на воду.

– Да, с пляжем у них хорошо, как дома.

Я успокоилась. В «Сёрф-кафе» нам отвели столик на солнце, здесь нашлось фисташковое мороженое со взбитыми сливками, к нему еще и кофе, папа счел обслуживающий персонал дружелюбным и с удовлетворением заметил, что мороженое стоит на два евро дешевле, чем в его любимом кафе в Кампене.

– Здесь вовсе не так плохо. – Он довольно огляделся. – В самом деле, совсем неплохо. – Он увлеченно заработал ложкой. – И мороженое хорошее.

Он развернул свой «Бильд» и принялся читать. Я смотрела на море и думала, закрутила Доротея с этим симпатичным хиппи или нет? Предпосылки к этому были. Я решила не завидовать. К тому же длинноволосый блондин – герой не моего романа, как выразилась бы Доротея. Даже если у него такая симпатичная задница.

– Скажи мне, детка...

Я вздрогнула, застигнутая за непристойными мыслями.

– Да?

– Ведь это хорошо, что мы вместе поехали в отпуск?

Я посмотрела на отца. На носу у него было зеленое мороженое, а на подбородке – сливки. Он склонил голову набок и улыбнулся:

– У тебя было хорошее детство?

– Ты уже прочел газету?

– Там нечего читать. И потом, нужно же когда-нибудь и общаться. Люди очень мало говорят друг с другом.

– И ты решил поговорить сейчас о моем детстве?

– Я просто спросил, считаешь ли ты свое детство хорошим. У меня было не очень хорошее, послевоенное, плохие времена, мы ничего не имели. А вы росли неплохо, у нас было все – красивый дом, машина, каникулы, пирог каждое воскресенье.

Я вспомнила отца молодым, как он обучал меня плавать, писал мне письма, когда я научилась читать, чинил мой велосипед и как орал на судью, удалившего меня с площадки за грубый фол во время турнира по гандболу. Что ж, у меня и вправду было хорошее детство. Расчувствовавшись, я коснулась его руки.

– Да, папа, у меня было прекрасное детство. И я тебе очень благодарна, я знаю...

– Ну что ты! – Отец согнал осу с мороженого. – Все в порядке. А как ты думаешь, у твоих брата и сестры тоже было хорошее детство?

– У брата... Ну да, конечно. А почему ты спрашиваешь?

Он снова взял газету.

– Просто хотел знать. В Бохуме сорокалетняя женщина заколола своих родителей и забетонировала в парковку для машины возле дома. Она сказала, что это справедливая кара за несчастное детство. Ужасно. Но у нас с этим все в порядке, правда?

Я решила немного помечтать о симпатичных мужских задницах.

Без всяких сентиментальностей мы выпили еще по чашке кофе. Я уже прочла историю бохумской дочери и думала, что не представляю себе, как можно забетонировать отца, когда позвонила Марлен.

– Кристина, вы где?

– Сидим в «Сёрф-кафе» и едим мороженое. Слушай, у тебя в пивной еще будут работы с бетоном?

– Что? Что это у тебя за идеи?

– Так, шутка.

Шутка, конечно, была так себе, но стоила выражения на лице отца.

– А что такое?

– Сюда позвонил Калли Юргенс. Спрашивал, приехал ли Хайнц. Если есть настроение, можете зайти к нему, он сейчас дома.

– Папа, ты знаешь адрес Калли?

– Неа.

Свой ответ я проглотила. Марлен все слышала.

– Он мне сказал: Кифернвег, семнадцать. – И объяснила, как идти.

– Не торопитесь, вечером встретимся за ужином. Я приготовлю камбалу. Желаю тебе хорошо развлечься с мальчиками.

Она хихикнула и положила трубку.

Я посмотрела на одного из «мальчиков».

– Ты понял, да? Калли звонил.

– Я думал, это была Марлен... – Он подчеркнуто равнодушно смотрел мимо меня.

– Папа, Калли позвонил Марлен. И с бетоном я просто пошутила. Извини.

– Такими вещами не шутят.

– Да, прости, ты прав. Так ты хочешь зайти к Калли?

– Пожалуй.

Я сделала официанту знак и вытащила кошелек. Папа никогда не платит, если обижен.

Папа и Калли познакомились в пятидесятые в Гамбурге. Оба они из франконской провинции в поисках приключений сорвались на север. С приключениями не сложилось, если, конечно, не считать таковыми работу на верфях и комнату на двоих в христианском союзе молодых мужчин. Калли и папа добавили еще одно – стали вместе снимать квартиру.

– Мы были, так сказать, первой коммуной...

Каждый раз, когда отец произносил эту фразу, выражение лица у него становилось залихватским, при этом он незаметно проводил рукой по зачесанным остаткам волос.

– Да... лихое было времечко.

Думаю, в тот момент он жалел, что не курит, свернутая как бы между прочим самокрутка добавила бы ему крутизны.

Когда мне было тринадцать, миф о том, что я дочь старого хиппи, умер. Ханна, жена Калли, рассказала, что квартира представляла собой две бывшие детские в жилище вдовы железнодорожника. Фрау Шлютер после отъезда дочери не захотела жить одна и стала сдавать комнаты Калли и Хайнцу, готовила им, стирала и гладила. Алкоголь и женщины были под запретом, зато каждый вечер они втроем играли в канасту. С колбаской и огурчиками.

Через полгода папа пошел в армию, а Калли на таможеню. Связь они продолжали поддерживать, лихие времена сближают.

Калли и Ханна жили в красном доме с большим участком земли. Папа задержался у ворот, разглядывая палисадник.

– У них вообще нет гортензий. И очень мало роз. Зато везде облепиха.

Я показала на стену дома:

– Розы там. У них есть еще один красивый сад.

– Ну, не знаю. У нас везде были розы. Но Калли никогда не имел к этому таланта. Даже в то время.

Звоня в дверь, я представляла себе, как молодой Калли пересаживает узамбарские фиалки фрау Шлютер.

– Могу я тебе напомнить, что у нас садом занимается мама?

– Она не косит газон.

Калли открыл входную дверь.

– Хайнц!

Он протянул ему руку. Папа пожал ее.

– Калли!

Калли положил вторую руку отцу на плечо.

– Хайнц, старина!

– Калли! Сколько же лет?

Они, не переставая, трясли друг другу руки.

– Хайнц, это ты. Столько лет... Старина!

– Да, Калли.

Они были настоящими мужчинами. Суровыми мужчинами. А я была ребенком, и меня Калли обнял.

– Кристина, моя радость, ты так выросла! Я еще помню, как ты срыгнула на мой единственный костюм. За полчаса до того, как нам следовало идти в церковь. Это было, кажется, на конфирмацию Фолькера. Да, Хайнц? Ты еще одолжил мне куртку. Но вообще ты была очень милым ребенком, Кристина.

– Мы с твоим сыном одного года рождения. В четырнадцать лет я уже не срыгивала, Калли.

– Нет? Ну тогда это было на крестинах. Как бежит время! Заходите же, я сварю нам кофе.

Мы прошли за ним в гостиную, Калли сгреб в кучу лежавшие на диване газеты, бумаги и письма и освободил кресло от шерстяного пледа, велосипедного шлема и обувной щетки.

– Садитесь. Я сейчас.

– Видно, что без Ханны он совсем потерялся, – шепнул мне отец. – Не думаю, что обычно здесь такой беспорядок.

Он взял иллюстрированный журнал и начал его листать. Я разглядывала гостиную. Это вполне могла бы быть обстановка моих родителей. Справа мягкий гарнитур, диван и два кресла, перед ним низкий столик, слева большая стенка со встроенным телевизором и домашним баром, рядом обеденный стол с четырьмя стульями, за ними практичный сервант. В ящиках, наверное, лежало столовое белье, а в шкафу стояли вазы и графины, которыми никогда не пользовались. На стенах висели традиционные семейные фотографии. В центре – все семейство тридцать лет назад, Ханна в центре, Калли за ней, справа Фолькер в пубертатном периоде, слева Катарина, примерно лет десяти. Мои бабушка с дедушкой на свою золотую свадьбу получили от нас такую же фотографию. Рядом я узнала свадебную фотографию Катарины, Фолькера в морской форме и множество детских снимков, наверное, дочери Катарины. Я задумалась: когда папа виделся с Калли в последний раз? Папа с нахмуренным лбом бросил журнал назад к остальным.

– Сплошные кулинарные рецепты. И кто все это читает?...

– А когда вы, собственно, виделись в последний раз?

– Совсем недавно. Они с Ханной ездили в Данию и на пароме приехали на Зюльт. Мы как раз тогда мостили подъезд к дому.

– Папа, это было десять лет назад.

– В самом деле? Ну вот видишь. А с дорогой ничего не случилось, каждый камень лежит на своем месте. Это была хорошая фирма.

Калли вернулся с подносом. Три чашки без блюдец, вскрытая упаковка кекса, кофейник из кофемашины с очень светлым на вид содержимым. Он поставил чашки на журнальный столик и налил кофе. Мы с интересом смотрели, как молотый кофе оседал на дно. Калли склонил голову набок.

– Интересно. Откуда тут взялся осадок?

– В кофемашину нужно вставлять фильтр. Ты это сделал?

Папа осторожно помешал жидкость ложкой.

Калли склонился над чашкой.

– Вообще-то да.

– Что значит «вообще-то»?

– Я же не идиот. Разумеется, я вставил. Я не в первый раз варю кофе. Кристина, взгляни.

– Может быть, фильтр склеился?

Калли взболтал жидкость в кофейнике, и осадок поднялся.

– Да, и что теперь?

Я посмотрела на желто-коричневую бурду.

– Сварить новый кофе...

Папа решительно опрокинул содержимое чашки обратно в кофейник:

– А пшеничное пиво у тебя есть?

– Да, есть. Слишком много кофе тоже нехорошо. У меня в последнее время сразу начинается изжога. Кристина, может, сока хочешь?

– Сока?

Я прикинула в уме, не берет ли Калли в расчет мой детский возраст.

– Могу налить тебе ликерчика.

Значит, он не имел в виду мой возраст, просто пшеничное пиво – напиток для мужчин.

– Нет, спасибо, не нужно ликерчика, Калли, просто воды.

– Я схожу в подвал, одну минуту.

Папа посмотрел ему вслед и наклонился ко мне.

– Он же совершенно не справляется без жены. Даже кофе сварить не в состоянии, как он вообще себя обслуживает? Мне придется о нем позаботиться, не могу на это смотреть. Мы, в конце концов, все же друзья.

Не успела я спросить, что он имеет в виду, как вернулся Калли. Он открыл бутылки и поставил бокалы.

– Ну, – поднял он бокал и кивнул нам, – добро пожаловать на мой остров!

Папа и Калли выпили. Потом Калли вопросительно посмотрел на меня:

– Ты не пьешь? Ах, Боже мой, ты же просила воды. Скажи, Хайнц, ты тоже иногда становишься забывчивым?

– Нет. У меня превосходная память. Это благодаря тому, что я вожу по острову приезжих. И иногда решаю sudoku. Знаешь, тебе нужно тренировать клетки мозга. Помогает от склероза и все такое.

– Ну, гостей я тоже вожу. И...

– Нордерней ведь намного меньше Зюльта. Не нужно столько всего помнить.

– Я тебя умоляю, Хайнц. Я проведу тебя завтра по острову, и ты удивишься.

В горле у меня пересохло. Я откашлялась, Калли повернулся ко мне.

– По-моему, здорово, что ты проводишь свой отпуск с отцом. Катарине такое в голову не придет. Она однажды была с Ханной в велнес-центре на выходных, где-то на востоке. Ну, знаете, сауна, маски и все такое. Но ведь я всего лишь отец, меня она вообще не спросила. Все, что от меня требовалось, – это деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.